

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURQUENEV

13, Rue de la Bucherie, PARIS

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 14-15 (442-443)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конг. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359,84 Paris.
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

19 Августа 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Ф. Д. На грани войны и мира.
- Р. Абрамович. Проблема пролетарской военной тактики.
- Ф. Дан. К сессиям республиканских Верховных Советов.
- А. Югов. Производительность труда в колхозах.
- В. Александрова. Вторая действительность.
- С. Шварц. 8-й конгресс МФПС.

Партийная трибуна: Г. Аронсон. Реформа РСИ и левая критика.

Социалистическая Молодежь Испании и СИМ. — К похищению Марка Рейна.

75-летие Луизы Каутской. — Андрей Петревиц (некролог). — Н. С. Русанов (некролог).

Издания, поступившие в редакцию.

Фельетон: В Партиях РСИ: Внешняя политика английской Р. П.

Extrait du sommaire: Articles de Th. Dan sur la situation internationale et sur les sessions des Conseils Suprêmes républicains en URSS; de R. Abramovitch sur les problèmes de la politique prolétarienne pendant la guerre; de A. Jugow sur la productivité du travail en kolhozes; de V. Alexandrova sur la littérature soviétique; de S. Schwarz sur le 8e congrès de la Fédération Internationale Syndicale; de G. Aronson sur les problèmes de P. O. S.; sur la politique extérieure du Labour Party. — Notices sur la Jeunesse Espagnole et l'Internationale de Jeunesse Socialiste; sur l'enlèvement de Mark Rein; sur le 75e anniversaire de Louise Kautsky; etc.

Ф. Д.

На грани войны и мира

Изо дня в день сгущаются предвоенные тучи, завлакивающие небо уже над всем западным полушарием земли. Каждый день приносит груды известий, в каждом из которых — будь-то ход англо-японских переговоров, зальцбургско-берхтесгаденские свидания, реорганизация правительства испанской контр-революции или германо-данцигская провокация — тлеет искра, могущая с сегодня на завтра зажечь пожар невиданной по своему размаху и ожесточению бойни. Никто, решительно никто — в том числе, вероятно, и сами поджигатели войны — не знает, «что день грядущий нам готовит», грядущий в самом буквальном смысле этого слова. Одно несомненно: вся Европа, теперь можно уже сказать: и Азия, а скоро и весь земной шар, живет на грани войны и мира, все более и более приближаясь к тому склону, который обрывается пропастью военной катастрофы.

Ощущение этой надвигающейся катастрофы становится столь всеобщим и, как ни чудовищно звучит это слово, столь привычным, что как будто ничуть уже не

мешает широчайшим массам жить их обыденною жизнью, как ничуть не мешает — и это куда хуже! — политикам и дипломатам, спасающим от фашистского варварства мир, демократию, многовековую цивилизацию, социализм и прочие прекрасные и великие вещи, действовать так, как будто весь свет стоит прочно на своих традиционных устоях, как будто перед ними годы, если не десятилетия спокойного развития, как будто под весь существующий международный, экономический, социальный, культурный порядок, под все холяжие верования, формулы, догматы не подведен уже Архимедовский «рычаг», способный поистине «перевернуть весь мир» и камня на камне не оставить от тех материальных, моральных и идеологических основ, на которых он еще стоит!

Единственной светлой точкой на затемненном грозвыми облаками горизонте являются начавшиеся, наконец, в Москве переговоры между военными штабами Англии, Франции и Советского Союза.

Эти переговоры, разумеется, ни в какой мере не ос-

лабляют того, что мы сказали в предыдущем номере «С. В.» о **неудаче** англо - советского пакта. Наоборот, именно потому, что за четыре месяца не удалось прийти к **политическому** соглашению, пришлось прибегнуть к процедуре, необычность которой напоминает о резком **ухудшении** общей мировой обстановки для анти - фашистской коалиции, а **военный** характер — о том, что речь идет, увы, уже не столько о предотвращении войны, сколько об ее успешном ведении. И в этом смысле московские переговоры так естественно укладываются в привычную уже картину **предвоенного** состояния, что отнюдь не вызвали в широких массах того радостного подъема надежд на спасение **мира**, каким эти массы встретили четыре месяца тому назад весть о грядущем построении «фронта мира» в противовес «стальному фронту» фашистской войны.

Конечно, несомненной светлой точкой является и создание нового «стального фронта», своею крепостью превосходящего «стальной фронт» германо - итало - японский, обеспечивающего поражение фашистского треугольника в случае войны и угрозой неизбежного поражения пытающегося этот треугольник образовать. Но, как верно замечает т. Де-Брукэр (брюссельский «Пэпл» от 13 августа), «если важно, что демократии обеспечивают себе победу на случай войны, то еще бесконечно более важно, чтобы они помешали войне вспыхнуть».

Развитие боевой мощи стран, противостоящих фашистскому блоку, необходимо, чтобы на голову разбить Гитлера, Муссолини и их японских союзников, если и когда они обрушат на человечество новую войну. Но предотвращение войны — задача не только и даже не столько военная, сколько политическая. Или точнее: са-

ми военные приготовления развернут полностью свои «миротворческие» возможности лишь в том случае, если будут служить опорой определенной политики, апеллирующей, как говорит тот-же т. Де-Брукэр, «ко всем народам, и более всего к народу германскому».

В революционных потенциях народов фашистских стран, и прежде всего германского народа, — самый верный, б. м., единственно верный шанс на сохранение мира или, по крайней мере, на низведение до минимума разрушительных последствий военной катастрофы, если предотвращение ее стало уже невозможным. Вот почему является поистине преступным то опорочивание германского народа и то стирание граней между ним и его фашистскими палачами, против которого так решительно восстал Леон Блюм. Но вот почему роковым для дела спасения мира может оказаться и тот факт, что ни в одной из стран, противостоящих фашистскому блоку, необходимая работа над подъемом военной мощи не сочетается с политикой, ориентирующейся на эти потенции. И страна т. н. «пролетарской диктатуры», увы, не представляет в этом отношении исключения.

Конечно, за революционными **словами** Сталинскому единодержавию в карман лезть не приходится. Но в политике **дела** говорят громче слов, особенно, когда речь идет о странах, в которые доступ свободному слову закрыт «тоталитарными» проволочными заграждениями. И достаточно взглянуть на дела Сталинской диктатуры в роковую эпоху, когда весь свет стоит на грани войны и мира, чтобы понять, что не эти дела способны бросать «во все народы, и особенно в германский» те семена революционного сплочения и революционной воли, которые одни только могут убить фашизм и тем спасти мир.

Р. АБРАМОВИЧ.

Проблемы пролетарской военной политики (Окончание)

III.

Было бы смешно отрицать, что всякое участие рабочей партии в правительстве, в особенности в период войны, связано для социалистов с частичным отказом от политической самостоятельности и свободы действий. Это та цена, — и цена подчас не малая, — которую пролетариату приходится платить за заключаемый им классовый компромисс. Вопрос, однако, не в этом, а в том, не придется ли рабочему классу принести еще гораздо большие жертвы в том случае, если он от этого компромисса откажется? При решении вопроса о коалиции с буржуазными партиями, это образует тот основной критерий, который вступает в силу каждый раз, когда политическое развитие страны делает невозможным или затруднительным развертывание классовой борьбы в неограниченной и свободной форме. Конечно, для партии, стоящей на точке зрения **принципиального** отрицания коалиции при всех условиях и во все моменты, такого рода «деловой» анализ положения является излишним: она ведь все-равно, независимо от результатов анализа, откажется от участия в правительстве. Но ни социал - демократия, ни — за последние три года — коммунистическая партия (см. опыт Франции, Чехословакии, пропаганда Народного Фронта в Англии, Бельгии и т. п.) не стоят уже на этой точке

зрения, которая сейчас является достоянием лишь сравнительно небольших и невлиятельных лево - социалистических или оппозиционно-коммунистических (троцкистских) групп. Само собой разумеется, что, анализируя создавшееся положение и взвешивая доводы за и против вхождения в коалиционное правительство, партия может ошибиться и поступить нецелесообразно, то ли войдя в правительство в момент, когда это не вызвано действительной необходимостью, то ли отказавшись от коалиции, в момент, когда компромисс повелительно диктуется дальновидно понятыми интересами пролетариата и демократии. В практике европейских с.-д. партий можно найти достаточно примеров и первого и второго рода. Но такие ошибки, к каким-бы тяжелым последствиям они ни приводили, нисколько не меняют принципиальной постановки вопроса, которая допускает и даже требует вхождения в коалиционное правительство, несмотря на то, что это связано с ограничением самостоятельности и свободы действия рабочего класса. В некоторых случаях социалистические партии пытались преодолеть противоречие между нежеланием войти в коалиционное правительство и признанием необходимости компромисса путем промежуточной формулы «поддержки»: в правительство не входить, но данное буржуазное правительство поддерживать в его борьбе против реакции и за демократию. Опыт и Гер-

мании и Франции (напр. в период апрель — сентябрь 1938 г.) показал, однако, что это промежуточное положение имеет все отрицательные стороны коалиции, не имея ни одной из тех положительных сторон, из-за которых раб. партии на коалицию идут. «Поддержка» на опыте оказывается наихудшей формой коалиции. Ибо, поддерживая чужое правительство в парламенте и в стране, социалистическая партия принимает на себя в глазах народа морально-политическую ответственность за политику этого правительства, за те тяготы, которые она налагает на массы, и фактически отказывается от той свободы действия, ради сохранения которой оно отказалось от коалиции, не имея в то же время никакой возможности, — по крайней мере в достаточной степени, — ни влиять на ход правительственных дел или на состав администрации, ни контролировать реально то правительство, которому оно пожертвовало частью своей самостоятельности и за которое оно несет ответственность перед рабочими массами.

Эта политика «поддержки» без участия в правительстве приобретает особенно роковой характер в условиях военного времени, когда машина демократического парламентаризма фактически выводится из строя силою обстоятельств, когда свобода прессы, собраний, слова и т. д., по необходимости ограничивается и урезывается совершенно законной оглядкой на требования военного времени, когда никакие действительные выборы или перевыборы больше невозможны, и когда узкий состав фактического правительства даже в самой демократической стране, даже при самых левых настроениях масс, даже при самых искренних демократических устремлениях самих правящих, по необходимости пользует

ся диктаторскими полномочиями. В этих условиях тактика поддержки без вхождения в кабинет является с точки зрения социалистической партии наихудшей и наиболее опасной формой «бургфридена». В такой момент участие представителей рабочего класса в составе правительственной коллегии является единственной возможностью реального контроля и над общей политикой этого правительства и, — что еще важнее, — над методами ведения войны. И если предвидеть, как это делают многие товарищи, что именно в вопросе ведения войны и могут с особенной остротой проявиться противоречия между политикой пролетариата и политикой господствующих классов, то тем более необходимой становится такая форма сотрудничества, при которой обеспечена полная осведомленность рабочей партии и наибольшая возможность практического воздействия на ход государственных дел. Как показал уже опыт прошлой войны, — и что будет еще более верно в грядущей войне, — такой формой является непосредственное участие в фактическом правительстве.

Если мы констатируем это объективное положение, то это отнюдь не означает, что мы должны закрывать глаза на идеологические и политические опасности, которые связаны с этим положением. Но мы только настаиваем на том факте, что всякая иная линия поведения этих опасностей нисколько не устраняет, а лишь ставит социалистов в еще более невыгодное положение. В самом деле: участие в коалиционном правительстве (но, как мы выше указали, и политическая поддержка правительства без участия в нем!) весьма чувствительно ограничивает самостоятельность и свободу действия пролетариата. Но в военное время эта свобода все равно ограничена самим положением вещей, тем

В партиях Рабочего Социалистического Интернационала

Внешняя политика английской Рабочей Партии*)

Со времени Комитета Рабочего Правительства с его двумя парламентскими депутатами внешняя политика Р. П. проделала весьма знаменательное развитие. На первый взгляд разница между прежним и нынешним может показаться не слишком разительной: по-прежнему мы наблюдаем готовность поддерживать правительство в самых широких пределах и ограничивать критику детальными вопросами, а сравнивая сегодняшний день с 1914 годом, находим те же самые лозунги о защите демократии, противодействии нападению, приверженности к принципу добровольной военной службы.

Но более внимательный анализ вскрывает весьма существенные новые элементы в позиции Р. П. Непрерывный рост и развитие движения, его опыт в минувшую войну, двукратное пребывание у власти, коренное изменение международной ситуации, — все это, в связи с нынешним положением Р. П., как официальной оппозиции, дало партии то, чего у нее не было прежде, а именно — определенную внешнюю политику.

В то же время ясно, что, хотя Р. П. и имеет определенную внешнюю политику, политика эта еще не является **самостоятельной** внешней политикой в полном смысле этого слова. Р. П. еще не доработалась до такой концепции внешней политики, которая в ее ощущении была бы столь отлична от политики правитель-

ства, что только Р. П. сама могла бы проводить ее с надлежащей силой.

В настоящей статье намечаются те различные этапы, которые привели к существующему ныне положению.

Внешняя политика Р. П. до 1914 года

Что касается самого начального периода, то можно констатировать, что в резком противоречии с ее ясно очерченной политикой внутренних и местных реформ, Р. П., подобно рабочему движению и других стран, обнаруживала весьма мало интереса к вопросам внешне-политического порядка. Правда, ежегодно ее съезды принимали торжественные резолюции, осуждавшие империализм и рост вооружений. Первая конференция Комитета Рабочего Представительства в 1901 году приняла резолюцию (внесенную Независимой Р. П.), осуждавшую Южно-Африканскую войну, как имеющую целью приобретение монополий и умножение дешевой рабочей силы, и «почтительно приглашавшую правительство стремиться закончить враждебные действия предложением подвергнуть спорные вопросы арбитражу». С другой же стороны Фабианское Общество молчаливо поддерживало эту войну, считая ее прогрессивной.

Позиция партии в годы, следовавшие за Бурской войной, может быть лучше всего характеризована следующей цитатой из доклада о «партии в парламенте», представленного Кейр Гарди конференции 1907 года:

«Мы не забывали о том, что ни одна партия, игнорирующая широкие запросы нашей национальной жизни, не может завоевать или удержать почву в британской политике. Вопросы **внешней политики**, воспитания, благосостояния подвластных народов, милитаризма (этого ужасного врага про-

*) Мы заимствуем настоящую статью (в переводе с английского) из № 3 информационного бюллетеня «Labour Discussion Notes», издаваемого в Лондоне группой членов английской Р. П.

специфическим положением, в которое попадает всякая страна, вынужденная вести современную войну со всеми ее техническими, экономическими и политическими последствиями. С другой стороны, читатели, которые внимательно прочтут помещенную в этом же номере чрезвычайно интересную историю внешней политики английской Рабочей Партии, убедятся без труда, что тот факт, что английский рабочий класс до сих пор еще не имеет своей собственной внешней политики и в ходе прошлой войны тащился в хвосте своих господствующих классов, отнюдь не был вызван участием двух министров - социалистов в правительстве, а имел гораздо более глубокие корни. Точно также и политику «большинства» германской социал-демократии во время прошлой войны — этот классический образец бургфридена со всеми его наиболее отрицательными чертами, — никак нельзя объяснить участием в правительстве уже хотя бы по той простой причине, что германские с.-д. никогда ни в одно правительство Вильгельма II до 1918 года не входили. Их военная политика, нашедшая свое наиболее яркое выражение в их отношении к Брест-Литовскому миру, является наилучшим примером того тезиса, который мы выставили выше, — а именно, что политика поддержки без участия в правительстве является наихудшей формой коалиции. Точно также и политика многих алячтовских социалистов в период Версальского мира имела свое объяснение не в факте участия в коалиционном правительстве, а в причинах более глубокого порядка. Подводя итоги, можно сказать, что в 1914 - 18 г. г. не потому не было самостоятельной политики, что социалистические партии соблюдали «бургфриден» и входили в коалиционное правительство, а наоборот: потому был бургфриден

в его наихудшем виде, что у пролетарских партий в ту эпоху не было самостоятельной внешней политики.

IV.

«Высказать то, что есть», освобождаясь от иллюзий как положительных, так и отрицательных, является единственно достойной и революционной тактикой социалистов в такие критические моменты, как тот, который мир переживает сейчас. Стараясь определить наиболее целесообразную тактику социалистического пролетариата в случае новой мировой войны, надо без предвзятости и самообмана суммировать опыт прошлой войны.

Конечно, Европа 1918 - 1920 г. г. представляла собою очень печальное зрелище с точки зрения тех, которые, как Ленин, были убеждены, что мировая буржуазия, начавшая войну в 1914 г., не в состоянии будет ее закончить, что капиталистическая система не в состоянии будет пережить войны, и что по своему объективному и внутреннему состоянию мировой пролетариат уже созрел для осуществления социализма. По сравнению с перспективой победоносной социальной революции послевоенная Европа с ее версальским миром, с ее новой системой капиталистических государств, представляла собою, конечно, довольно жалкое зрелище, и разочарование по поводу крушения революционных иллюзий психологически совершенно естественно искало основную причину поражения в «предательстве вождей», а следовательно в политике бургфридена, классового сотрудничества и т. п.

Но если после-версальскую Европу сравнивать не с «визией» мировой социальной революции, а с полу-

гресса) и финансы привлекали внимание членов партии, говоривших от имени своих товарищей, причем в голосовании партия всегда становилась, и во внутренних, и во внешних вопросах, на сторону прогрессивной политики. Но все же в реальной деятельности партии эти вопросы имели второстепенное значение.

Однако, серьезное внимание стало оказываться с 1907 года взаимоотношениям рабочих разных стран, представленных их рабочими и социалистическими партиями. С этого года британская Р. П. стала членом Второго Интернационала и с большим интересом относилась к резолюциям и кампаниям на этой почве. По существу идеи Интернационала мало отличались от идей Р. П., хотя беспокоеное положение на Востоке Европы ставило некоторые из входивших в него партий лицом к лицу с подлинной войной еще до того, как Великая Война вовлекла все их в свой круговорот. В Интернационале имелись значительные разногласия насчет линии поведения на случай войны, но резолюции конгрессов были обычно отмечены яркой печатью пацифизма. И в Штутгарте в 1907 году, и в Базеле в 1912 много говорилось о стачечной борьбе. Но ни на одном конгрессе не было принято резолюции, призывающей партию ко всеобщей стачке. О стачке всегда говорилось, но определение конкретных мер всегда предоставлялось усмотрению различных национальных партий. Базельская резолюция призывала сверх того социалистов бороться во время войны за низвержение классов, несущих ответственность за конфликт.

Вопрос о всеобщей забастовке на случай войны обсуждался на конференциях Р. П. в 1911 и 1912 годах. В 1911 году резолюция была отклонена, в 1912 была назначена комиссия для разработки вопроса. На деле до войны никакой резолюции в пользу всеобщей забастовки Р. П. не приняла, несмотря на рекомендацию конференции Трэд - Юнионов, специально созданной

для обсуждения этого вопроса и подвергнувшей его обстоятельной дискуссии.

В течение двух или трех лет, непосредственно предшествовавших войне, Р. П. большею частью была поглощена исключительно вопросами внутренней политики: то были годы крупных стачек, в ходе которых трэд-юнионы сделали громадные завоевания, а либеральное правительство провело важные социальные реформы. Небольшое внимание, уделявшееся нарастающей военной опасности, сводилось почти исключительно к осуждению скачки вооружений. В общем, доклады конференций, дебаты и пр. за этот период дают впечатление, что члены Р. П. отдавали себе весьма слабый отчет в экономических причинах войн, и широко распространен был взгляд, что главная причина их заключается в самих вооружениях (интересно отметить, что всякая атака на рост вооружений сопровождалась дебатами на тему о способах смягчения того ущерба, который на несло бы рабочим оружейной промышленности внезапное прекращение заказов). Одновременно часто повторялись демонстрации дружбы между рабочими Англии и Германии.

Практическим результатом всего этого было оставление внешней политики в руках господствующего класса. Было такое ощущение, что критика внешней политики правительства, а тем более требование другой политики было бы равнозначуще соучастию в грязной игре империалистической политики. Другими словами, высокопарные резолюции партий Второго Интернационала означали на деле воздержание всего рабочего движения от какой бы то ни было внешней политики вообще.

В этом была причина, почему за одну ночь исчезла всякая оппозиция, лишь только вспыхнула война. Не имея собственной конкретной внешней политики, Р. П. не имела точки зрения, с которой она могла бы напа-

феодалной, монархически - буржуазной Европой довоенной, если подходить к оценке мирового развития под углом зрения исторического реализма, то нужно будет признать, что как раз в годы после войны, и как раз в государствах, проделавших опыт бургфридена, мы наблюдаем картину чрезвычайно высокого политического и социального подема, невиданного роста социального законодательства и необычайного усиления политического и общественного значения и удельного веса рабочего класса.

Реальное соотношение сил в конечном историческом итоге перевесило политические и тактические ошибки вождей. Гигантски возросшая в ходе механизированной и машинизированной войны роль промышленного пролетариата, необходимость для правительства каждой воюющей страны мобилизовать все внутренние силы нации для предотвращения поражения и организации военной победы, глубокое социальное и психологическое потрясение, вызванное войной в самих глубинах народной жизни и в значительной степени разрушившее все старые устои, — все эти факторы, независимые от воли отдельных людей или даже отдельных классов, а объективно вытекающие из самого факта войны в современных условиях, как бы автоматически обеспечили победу демократии и социального прогресса в послевоенной Европе, по крайней мере в странах победительницах. Но и в странах побежденных, где под влиянием военного поражения рухнули старые формы политической и социальной структуры, те же условия выдвинули пролетариат и идущие за ним народные массы на первое место среди тех сил, которые на развалинах старого строя пытались создать новый демократический и социальный строй.

дать на правительство. Она молчаливо признавала внешнюю политику одной из естественных прерогатив правящего класса; ей поэтому не оставалось ничего другого, как принять последствия этой политики, когда она привела к войне.

Весною и летом 1914 года происходили по всей стране большие демонстрации против войны. Но с объявлением войны рабочее движение в своей большей части безоговорочно поддерживало правительство. Его единственной заботой было — охранять во время войны интересы рабочих так же, как оно делало это во время мира: таков был наиболее действительный аргумент, выдвинутый на партийной конференции 1916 года в пользу участия вождей партии в правительстве.

Самостоятельная политика во время Великой Войны

Во время войны наметились два главных типа самостоятельной политики, каждый из которых оказался, с точки зрения его главных целей, успешным. Первый тип — это Ленинская политика «революционного поражения», его политика превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта политика была приспособлена к своеобразным условиям России и являла некоторое внешнее сходство с политикой, которую Второй Интернационал провозглашал до 1914 года. Ленин мог поэтому критиковать западно - европейские рабочие партии с точки зрения их собственных лозунгов, особенно когда он привел большевиков к власти и тем придал своей анти - империалистской политике громадный престиж в глазах социалистов, как образцу для подражания во всех будущих войнах.

Другой тип самостоятельной политики стал возникать внутри западно - европейского рабочего движения. По мере продолжения войны в Британии и других странах стала возникать оппозиция, объединенная па-

Было бы претенциозным самомнением пытаться хотя бы приблизительно предвидеть конкретный ход исторического развития в случае новой мировой войны. Новая мировая война в условиях современной техники приведет к подлинному геологическому перевороту в Европе и во всем мире, и никто не может взяться предсказать конечного итога этого гигантского потрясения всех основ современного общества. Но есть два основных процесса, которые будут иметь место при любом ходе и исходе грядущей войны, и которые можно предвидеть уже сейчас.

В грядущей войне еще в неизмеримо большей степени, чем в войне 1914 - 18 г. г. будет иметь решающее значение военно - промышленный потенциал воюющих стран. Следовательно, роль промышленного пролетариата, в частности, высоко - квалифицированных рабочих, будет все возрастать в ходе войны. Эта часть рабочего класса в наибольшей степени уцелеет и физически: в отличие от прошлой войны, где правительства часто бездумно растрчивали на фронте накопленные страной квалифицированные кадры рабочих, все правительства ныне еще до начала военных действий проводят тщательный учет специалистов, обученных рабочих и т. п. именно на предмет их целесообразного использования в мобилизованной промышленности. Таким образом, и по своей численности, и по своему физическому состоянию, и по своему удельному общественному весу пролетариат крупной промышленности, независимо от переполнения фабрик полу - обученными женщинами, крестьянами из деревень, наспех набранными выходцами из разорившегося городского мещанства и т. д., будет к концу войны представлять собою во всех

цифизмом, усталостью от войны и идеями тех, кто серьезно относился к резолюциям Второго Интернационала. Параллельно с этим росло самосознание и требовательность рабочих масс, основанные на сознании, что поскольку массам приходится нести на себе главные жертвы войны, они имеют право сказать свое слово и по вопросу о построении мира. В этой атмосфере сложилась Р. П. в ее современной форме, как большая массовая организация, располагающая миллионами избирательных голосов и реальными политическими возможностями. В силу целого ряда причин миллионы мужчин и женщин присоединялись к Р. П., выражая этим присоединением свое возмущение бедствиями войны и свою усталость от нее. Время самоотверженного, но безответственного пионерства миновало.

В августе 1914 года и в течение первых двух лет войны Р. П. и трэд-юнионы поддерживали правительство в его военной политике, с некоторыми лишь оттенками в деталях, и они были в этом случае лишь рупором рабочих масс, организованных и неорганизованных. Единственным серьезным разногласием за этот период было разногласие по вопросу о воинской повинности. В июне 1915 г. было образовано коалиционное правительство, в которое вошло и несколько членов Р. П., поверивших обещаниям Асквита, что военная служба останется добровольной, и решивших, как впрочем и вся остальная партия и трэд-юнионы, всем весом своим содействовать успеху добровольчества. Спустя месяц (июль 1915 г.) кабинет принял закон о Национальной Регистрации, бывший, очевидно, первым шагом к введению всеобщей воинской повинности. Рабочие министры подали в отставку, мотивируя ее тем, что Асквит нарушил свое обещание и что добровольный набор шел вполне успешно. Их отставка была взята обратно после длительного совещания с Асквитом,

развитых странах социально и политически величину не меньшую, а значительно более крупную, чем в ее начале.

Этот рост силы и влияния рабочего класса в ходе войны будет происходить на фоне другого, столь же стихийно - неизбежного процесса: необычайного развития государственного начала, т. е. огосударствления и централизации всей хозяйственной и общественной жизни страны. Конечно, «этатизация» во время войны означает и «военизацию», т. е. своего рода военно - государственного капитализма, или, как это принято было называть в Германии в течение прошлой войны, «военный социализм». Но это означает, так или иначе, ослабление капиталистического начала (и идейной гегемонии капитализма) в ходе войны. Если прибавить к этому неизбежное нарастание социальных противоречий и массового недовольства в результате тяжелых жертв, налагаемых войной на народные низы в условиях очень большого неравенства по отношению к верхним слоям, то ясно, что в той «национальной» коалиции, в кото-

рую соц. партия должна будет войти в случае войны, ее позиция и ее удельный вес неизбежно должны будут, при целесообразной тактике, не ослабевать, а наоборот, все усиливаться и возрастать по мере продолжения войны.

Вот почему предстоящее участие соц. партий в коалиционных военных правительствах в случае войны не грозит на этот раз превратиться в ту морально - политическую и идейную капитуляцию, какой в значительной мере являлась тактика «бургфридена» в прошлой мировой войне. Но при этом, конечно, неизбежным и основным условием является — наличие у рабочих партий своей ясной и определенной военной и международной политики. Нужно, чтобы мировой социализм точно знал, во имя чего он войну ведет, и какова будет та военная программа, осуществления которой он будет добиваться внутри правительства, в которое он входит, и вне его. Но этот вопрос уже выходит за рамки нашей нынешней темы.

Р. Абрамович.

Ф. ДАН.

К сессиям республиканских Верховных Советов

Ко времени выхода этого номера в свет, вторые сессии Верховных Советов одиннадцати Советских Социалистических Республик, из которых складывается СССР, будут уж закончены. Все они имеют один и тот же порядок дня: утверждение республиканского бюджета, ут-

верждение положения о выборе местных (краевых, областных, окружных, районных, городских, сельских и поселковых) Советов в пределах республики, выборы Верховного Суда данной республики и утверждение указов соответствующих президиумов, принятых в период

которому удалось убедить их в том, что это — последняя принудительная мера, которая будет принята, что она ни в коем случае не затронет женатых людей и что будет сделано все возможное для лояльного применения нового закона. В таком виде события эти были доложены на партийной конференции 1916 г. (первой после начала войны), и доклад прибавлял, что рабочие министры полагают, что будут более полезны рабочим страны, оставаясь в правительстве для защиты интересов рабочего класса.

Каждое новое покушение на принцип добровольчества как в военной, так и в промышленной областях вызывало в партии сопротивление или угрозу отставки, но каждый раз ее удавалось переубедить и уговорить по-прежнему оказывать поддержку правительству. И хотя отношения между партией и правительством за последние два года войны становились все более натянутыми, все же вожди Р. П. оставались в правительстве до самого перемирия. Гендерсон вышел из кабинета после своей поездки в Россию в 1917 году, но был заменен Г. Н. Бэрнсом. Правда, в последний год войны рабочие министры вряд ли представляли кого-либо кроме себя самих.

По мере затягивания войны и особенно за последние два года стало очевидно, что руководящая верхушка партии и трэд-юнионов не выражает настроений значительной части рабочих или хотя бы большинства ответственных деятелей движения. В трэд-юнионах это было заметно по большому числу неорганизованных стачек, руководимых фабричными старостами (Shop Stewards), а в Р. П. по росту влияния тех вождей Независимой Р. П. (большинство), которые с самого начала отказывались поддерживать войну — в силу ли чистого пацифизма или в силу анти - империализма.

В течение 1917 года Международное Социалистиче-

ское Бюро, сохранявшееся благодаря его голландским и шведским членам, начало более активно содействовать установлению общения между различными рабочими и социалистическими партиями. При контакте с их членами по обе стороны окопов должно было начать оживать так часто высказывавшееся в резолюциях и кампаниях предвоенных лет, но забытое в первые годы военного энтузиазма сознание, что «у рабочих Британии и Франции нет интересов, враждебных рабочим Германии». Громадное впечатление на социалистические партии и антантовских, и центральных держав произвел и тот факт, что русские рабочие низвергли виновников войны и готовились заключить мир.

В 1917 году конференция Р. П. согласилась, весьма незначительным большинством, послать делегатов в Стокгольм, в котором Международное Социалистическое Бюро созывало, по инициативе русских социалистов, конференцию. Там состоялись два совещания социалистических партий Антанты и было не мало сделано для подготовки согласия на встречу с представителями и германских социалистов.

После этого, для обсуждения порядка дня для Стокгольма, была созвана в Лондоне специальная Антантовская конференция. Эта конференция закончилась полным провалом в виду отказа французских социалистов даже обсуждать возможность встречи с германскими социалистами, пока Германия не прогнана из оккупированной ею территории. Предполагалось, что конференция формулирует цели войны Антантовских социалистов для представления Стокгольму и различным правительствам, но, в виду обструкционной позиции Франции, ни к какому соглашению прийти не удалось.

Лишь только Р. П. приняла решение о посылке делегатов в Стокгольм, правительство объявило о своем намерении отказать в выдаче паспортов делегатам, что обострило отношения между партией и правительством

между сессиями и сводящихся, в основном, к изменениям административного деления территории, к учреждению новых наркоматов и к замещению постов наркомов новыми лицами — о старых, поскольку они не назначены на новые видные посты, а просто «исчезли», никто и не вспоминает! На всех сессиях Верховных Советов всех республик все докладчики и все ораторы одинаково начинают свои доклады и свои речи, как по команде, восхвалением гигантских успехов в смысле продвижения от социалистического общества к коммунистическому, достигнутых под водительством великого Сталина («бурные аплодисменты, крики ура, все встают»), и кончают акафистом тому-же великому и несравненному (и опять: «бурные аплодисменты, крики ура, все встают»). На всех, наконец, все депутаты «единодушно одобряют» все делаемые им правительством предложения.

Все это, с политической точки зрения, так жалко и мизерно и, с другой стороны, так известно и переизвестно, что вряд-ли стоит и нужно еще раз подробно говорить о том, как и новая сессия Верховных Советов, подобно всем другим оказательствам «общественного» характера, была политически использована единственно и исключительно для плебисцитарного обожествления «вождя», для укрепления и увековечения его единодержавия. Больше о непосредственных политических оказательствах этих сессий сказать нечего.

Но Верховные Советы республик (и, конечно, тем более те местные Советы, выборы которых на основе всеобщего и пр. избирательного права подготовляются новыми «положениями») тем и отличаются от всесоюзного Верховного Совета, что «высокая политика» не составляет их прямой задачи, что в сферу их непосредственного ведения входят материальные, технические, куль-

турные, бытовые и т. п. формы и основы советской жизни, а не та социальная - политическая и идеологическая «надстройка», которая в этих формах и на этих основах воздвигается. Но материя, техника, формальные моменты — это как раз та сторона жизнедеятельности общества, в которой и самая тоталитарная диктатура допускает (а в известных пределах и прямо поощряет) кое-какую правдивость и дает кое-какой исход творческой самостоятельности, начисто и беспощадно изгоняемой ею из всего, что соприкасается с «надстройкой», насильственно пропитанной обязательной официальной лживостью. Поэтому, как это ни парадоксально звучит, и для политика отчеты о заседаниях «деловых» республиканских Верховных Советов представляют гораздо больший интерес, чем отчеты о сессиях «политического» всесоюзного Верховного совета: из них, во всяком случае, больше узнаешь о **действительном** состоянии находящегося в непосредственном ведении этих Советов материально - технического и культурного «базиса» страны, чем можно было узнать о действительном состоянии ее социально - политической и идеологической «надстройки» из докладов и речей во всесоюзном Верховном Совете, где все заведомо пропитано фальшью и «подхалимажем» и заранее вогнано в идейно - политические колодки, заготовленные сталинским единодержавием.

Как осторожно ни подходить к официальной большевистской статистике и официальным большевистским цифрам; как скептически ни относиться к качеству оборудования и продукции советского промышленного и сельского - хозяйственного производства и к рациональности его экономической и технической организации; как низко ни расценивать качество, содержание и формы советской культуры, искусства, науки, здравоохранения, народного просвещения и т. д.; — только по-

почти до разрыва. Такие-же меры были приняты и против французских социалистов (которые, в конце концов, изменили свою позицию и согласились послать представителей). В довершение Союз моряков отказался перевозить британскую делегацию. Препятствия такого рода так нагромождались, что Стокгольмская конференция так и не состоялась, но голландские и шведские организаторы ее имели возможность провести ряд важных узких совещаний с делегатами различных стран.

В декабре 1917 года собралась в Лондоне объединенная конференция Британской Р. П. и Конгресса Трэд-Юнионов для выработки меморандума о социалистических целях войны. Был принят семи-страничный документ. В нем выставлялось требование «над-национальной инстанции или Лиги Наций» и международного законодательства для улаживания конфликтов между народами. Различным европейским меньшинствам должно было быть дано право на самоопределение, а африканские колонии должны были быть интернационализованы и поставлены под контроль Лиги Наций. В то же время меморандум подтверждал убеждение Р. П. в правоте Антанты и в обязанности Германии заплатить репарации.

В феврале 1918 г. была созвана новая Антантовская конференция, избравшая специальную комиссию для обсуждения проблемы о целях войны, которую к этому времени занялись уже почти все социалистические партии. Большое впечатление в других странах произвело опубликование большевиками тайных договоров и их собственных мирных предложений.

Что война радикально изменила отношение Р. П. к внешней политике, которая до того стояла для нее вне ее непосредственных задач, можно видеть по следующей цитате из доклада Исполнительного Комитета январской конференции 1918 года:

«За последние 2 месяца работа И. К. шла в значительной степени под знаком интереса к демократической дипломатии, и были сделаны серьезные и настойчивые усилия для достижения соглашения о целях войны между социалистическими партиями Антанты на предмет последующего представления единой программы мира международной конференции. Разногласия в нашем собственном движении... и расхождения в социалистических партиях Антанты, а также изменения, произошедшие в России, делали эту задачу чрезвычайно трудной».

Незадолго до перемирия Р. П. опубликовала важный политический документ: «Р. П. и новый социальный уклад». Отдел, посвященный внешней политике, призывает, что уроки войны не прошли бесследно. Сознавая, что обладание империей может заставить Британию защищать ее в будущей войне, партия провозглашает свою веру в принцип местного самоуправления различных колоний, особенно Индии. По отношению к другим странам она требует отказа от территориальных притязаний и экономической войны в форме-ли протекционных тарифов или какой-либо иной. Тайная дипломатия должна быть отменена, и договоры должны подвергаться обсуждению в парламенте. В заключении партия высказывается за «мировую Лигу или Общество Наций, над-национальное учреждение, с международным законодательством для разбора споров между народами»... «Народы должны обязаться выступать совместно против всякого нарушителя».

Правительство было сильно обеспокоено возрастающей независимостью партии в вопросах внешней политики. Однако, Ллойд Джорджу удалось убедить вождей партии, что правительство приняло цели войны Р. П. (на Вильсона было оказано давление, чтобы побудить его составить свои 14 пунктов и тем облегчить задачу убеждения вождей Р. П.). Хоть и не без труд-

литические слесни или неисправимые упрямцы могут отрицать наличие грандиозной (и качественно, и количественно грандиозной!) экономической, социальной и бытовой революции, проделанной страной за последние 25 лет, и наличие гигантского роста ее материальных и культурных возможностей, как прямого следствия этой революции. И чем более отсталыми были до революции те или иные территории и национальности до-военной России, тем более «геологические» размеры приобретает пережитый ими за эту четверть века переворот. Вот основное впечатление, получаемое из просмотра тех цифр о промышленной и аграрной продукции, и еще больше о числе больничных коек, родильных домов, яслей и т. д., с одной стороны, о росте числа высших, средних и высших учебных заведений и учащихся в них, с другой, которыми полны доклады и речи и к которым я вынужден отослать читателя, чтобы не загромождать цифрами своей статьи.

Этот гигантский рост материальных и культурных возможностей, разумеется, еще ничего не говорит о фактическом распределении пользования этими возможностями, т. е. о складывающейся на их основе социальной «надстройке» и о тенденциях развития этой надстройки. И уж ни в какой степени он не является аргументом в пользу современной политической «надстройки» революции — Сталинского единодержавия, не смягчает гибельности его внутренней и международной политики, не оправдывает его поистине чудовищных преступлений. Но он напоминает о том, что, если Сталинское единодержавие так долго и так стойко держится, вопреки всем своим преступлениям, то именно потому, что оно сумело в глазах широчайших народных масс исторически связать себя с пережитой страной радикаль-

ную экономическую, социальной и бытовую революцию и узурпаторски использовать эту связь в своих собственных интересах и целях, как Петр Великий сумел использовать выпавшую на его долю роль преобразователя в интересах самодержавной монархии, или как фашистские режимы используют известные «анти-капиталистические» и «национальные» моменты своей внутренней и внешней политики для закрепления своей варварской «тоталитарности».

Как известно, «наши достижения» давали и дают не мало пищи юмору и сатире всех политических противников большевистской диктатуры. И надо признать, что эти юмор и сатира были и остаются вполне оправданными, поскольку делают ударение на «наше», поскольку высмеивают неумное хвастовство большевиков, систематическое преувеличение успехов и заведомое извращение социально-политического смысла этих успехов, приписывание их недостижимой гениальности «вождя» и т. п. Но то же высмеивание превращается в несветимую пошлость, поскольку объектом его становится самый факт «достижений». Ибо «достижения», и притом громадные «достижения» и в материальной, и в социальной, и в культурной областях, являются непременным спутником всякой великой революции, а грандиозная революция, начавшаяся в России свыше 22 лет тому назад и до сих пор не закончившая своего цикла, не влившая еще жизнь страны в новые, но уже прочно, «в серьез и надолго» установленные берега, есть не фикция, не большевистское измышление, а не подлежащий оспариванию, всем видимый и всеми осязаемый исторический факт.

И из этого факта, из утверждаемых им «достижений»

ностей, Ллойд Джорджу удалось снова обеспечить себе поддержку Р. П. в весьма трудный период.

Послевоенный период

После перемирия все рабочее движение надеялось и ожидало, что союзные правительства выполнят свои обещания, будут относиться к германскому народу, свергнувшему кайзера, справедливо, не подвергая его территориальным и экономическим репрессиям, и что будет намечена некая конструктивная политика в целях предотвращения будущих войн. Партия уже восприняла мысль Вильсона о Лиге Наций, как выражение ее собственной политики, и потому учреждение Лиги было встречено с энтузиазмом. Но, когда началась работа над формулировкой мирных договоров, стало очевидно, в какой мере в партии снова стала практиковаться до-военная политика невмешательства в ход дипломатии. Нет сомнения, что влияние чисто пацифистского крыла партии возросло в силу усталости рабочих от войны и громадного чувства облегчения, вызванного прекращением бойни. Но кроме того главная энергия партии была отвлечена в сторону подготовки избирательной победы и восстановления разстроенной профессиональной организации. В 1918 году был принят новый партийный устав, причем, много внимания было уделено вербовке индивидуальных членов.

Партия, в лице своего Исполнительного Комитета, осудила Версальский договор. Но в действительности партия в это время обнаруживала весьма мало интереса, как к подробностям переговоров о мире, так и к самому договору. За малыми исключениями рабочие члены парламента стоя приветствовали Ллойд Джорджа, когда он вернулся с мирным договором. При последующем пении гимна один только Нейль Мак - Лин остался сидеть.

Скоро, однако, выяснился истинный характер договора и стали подвергаться анализу основы новой Лиги. Партия начала яростную атаку и на договор, и на эти основы. Союзным правительствам ставилось в вину, что, обещав покарать только виновных вожаков, они на самом деле карают весь германский народ, понижают германский уровень жизни, вследствие чего конкуренция германских товаров, в свою очередь, должна будет понизить уровень британский, и «бьют лежащего». Партия издала также листовку с нападками на соглашение о Месопотамии, как сводящееся к разделу прибылей от нефти между Британией и Францией. И наконец, была выпущена серия листовок с осуждением существующей Лиги Наций на том основании, что

«политика союзных правительств направлена к ограничению компетенции Лиги мелкими вопросами, не могущими затронуть их неприкрытой диктатуры над миром... Лига должна иметь право распределять мировое сырье... Настоящей Лиги Наций не может быть, пока не будет выполнено требование Р. П. о коренном пересмотре мирных договоров».

С этого времени и до первого рабочего правительства политика под лозунгом «заставить Германию платить» подвергалась самым ожесточенным нападкам, и когда в 1923 г. внешняя политика оказалась в руках Р. П., начались переговоры о плане Дауса, низведшем до минимума тяжесть репараций, хотя и не дошедшем до полного аннулирования их. Что Р. П. снова пришлось серьезно заняться внешней политикой, это видно из того, что самое существование первого рабочего правительства было тесно связано с его дипломатией, в особенности с его настойчивостью в деле признания русского советского правительства. Что при этом партия старалась в меру возможности осуществлять провозглашенную ею политику, видно из той

должна исходить **всякая** борьба против Сталинского еди-
нодержавия, если она хочет иметь шансы на успех. Я
подчеркиваю: **всякая**, ибо даже борьба, ставящая себе
заведомо реакционные цели, может рассчитывать на
прочный успех лишь в том случае, если строит не на
старом базисе, революцией сметенном с лица земли, а на
новом, революцией построенном: и иностранные штыки
могли лишь на несколько лет реставрировать Бурбонов
во Франции! Хулиган Солоневич потому и превышает
политически на несколько голов всех прочих консерва-
тивных, либеральных и демократических врагов Сталин-
ской диктатуры в эмиграции, что, как и все фашисты,
т. е. адекватные нашей эпохе **контр** - революционеры,
стоит, по выражению Маркса, тоже «на почве револю-
ции» и потому понимает, что реакция не может быть
«реставрационной»; что ее дело будет безнадежным,
если программой ее будет денационализация промыш-
ленности, возврат земли помещикам, восстановление
сословного строя или старой чиновной иерархии и т. п.;
что если у нее могут быть еще шансы на успех, то
только в том случае, если она сумеет утвердиться на
том новом материальном, экономическом, социальном и
культурном базисе, который создан «достижениями»
революции и уже никакими силами уничтожен быть не
может.

Я думаю, что, благодаря всей динамике социально -
политического развития нашей эпохи, о которой мне не
раз уже приходилось говорить и на которой я здесь
останавливаться не могу, и шансы фашизма, как наслед-
ника Сталинского единогодержавия, отнюдь не так вели-
ки, как это представляется Солоневичу. Но во всяком
случае фашизм (в его национально - русской ипостаси
выраженный особенно ярко и последовательно именно

Солоневичевской группой), именно в силу его стремле-
ния строить свое реакционное варварство на достиже-
ниях революции, является наиболее опасным, если не
единственно опасным из противостоящих большевизму
реакционных течений. И, наоборот, если что ослабляет
и даже грозит свести к нулю шансы демократического
социализма в борьбе против Сталинского единогодержавия,
то это именно тот факт, что многие демократы -
социалисты и до сих пор не понимают (а то, под влия-
нием чисто эмоциональной реакции на все усиливаю-
щиеся Сталинские преступления, начинают забывать!),
то, что понял матерой фашист Солоневич: ведь борьба
за демократию и социализм еще в бесконечно меньшей
степени, чем борьба за социальную и политическую ре-
акцию, может рассчитывать на успех, если по содержа-
нию своему и по своим формам будет борьбою «реста-
врационной», и победа демократического социализма
(опять таки: об общем характере и условиях нашей
эпохи я здесь лишь напоминаю) возможна не в борьбе
за обратный пересмотр «наших достижений», а лишь на
их почве, не в перспективе, напр., возврата к единолич-
ному мелкому крестьянскому хозяйству и разрушения
коллективных форм сельского хозяйства (чтобы ука-
зать конкретно один из центральных, если не самый
центральный вопрос современной советской, не только
экономической, но социальной, культурной и бытовой
жизни), а лишь в перспективе освободительного ре-
формирования колхозов и т. д.

Вот о чем внушительно напоминают отчеты о сессиях
Верховных Советов, в известной сфере дающие, не-
сомненно, почувствовать «дух» подлинной «почвенной»
советской действительности. И уже ради этого одного
их интересно и полезно прочесть.

старательности, с которою она избегала «тайной ди-
пломатии», ставя все договоры и соглашения, до их
подписания, на обсуждение парламента.

Годы между двумя рабочими правительствами не от-
мечены какими-либо новыми внешне - политическими
формулами. Опыт пребывания у власти, несомненно,
заставил вождей и депутатов партии с большой серь-
езностью относиться к вопросам внешней политики,
так что их критика по адресу консерваторов стала бо-
лее детальной и деловой, чем была раньше. В то же
время их политика, несомненно, достаточно отличалась
от политики правительства, чтобы иметь право назы-
ваться их собственной политикой. Они настойчиво тре-
бовали разоружения (это оказалось главным требова-
нием партийной политики как раз к тому времени, ког-
да фашизм стал серьезно угрожать миру Европы).
Внешняя политика вождей Р. П. была не столько со-
циалистической, сколько прогрессивно - либеральной.
Как и в других отраслях управления, вожди и, особен-
но бывшие министры находились в значительной сте-
пени под влиянием лежавшей на них ответственности.
Они приучались смотреть на вещи с **конституционной**
точки зрения и отвергать подлинно социалистическую
внешнюю политику, как невозможную. Что рядовые
члены партии возвращались в то же время к пацифист-
ско - революционному пораженчеству довоенного пе-
риода, видно из того, что резолюция в пользу забасто-
вочного движения на случай войны, внесенная Незави-
симою Р. П. на конференцию 1926 года, была приня-
та даже без подсчета голосов. Одним из результатов
всеобщей стачки этого года было сосредоточение вни-
мания движения на внутренних делах в большей сте-
пени, чем на вопросах внешней политики.

Изучение истории второго рабочего правительства
интересно в том отношении, что ни в одной отрасли уп-
равления оно не добилось таких успехов, как в своей

внешней политике. Европейская ситуация за 1929 -
1931 годы давала временами некоторый простор про-
явлению пацифистского идеализма, и рабочее прави-
тельство весьма искусно пользовалось обстоятельствами,
вплоть до Гаагского конгресса, Лиги Наций и кон-
ференции о разоружении. Но всегда оно выступало,
как **представитель капиталистической страны, а не как
правительство, строящее социализм или хотя бы имею-
щее в виду строить его.** Это ясно из его неспособно-
сти обеспечить или хотя бы настойчиво требовать ра-
дикального пересмотра мирных договоров; из сохране-
ния им в неизменности обычных капиталистических ме-
тодов управления колониями; из упорства, с которым
Сноуден отстаивал для Британии добрую долю вноси-
мых Германией репараций.

Этапы формирования нынешней внешней политики Р.П.

Со времени восхождения Гитлера и возрастающей
агрессивности Муссолини, внешняя политика Р. П.
претерпела дальнейшие важные изменения. Ее пре-
жние позиции разоружения, сопротивления войне, при-
нудительного арбитража и, прежде всего, Лиги Наций
были оставлены, пересмотрены или радикально видоиз-
менены. В этом процессе было три главных этапа.

1. Усиление иностранного фашизма. Абиссиния. По
мере того, как национал - социализм и фашизм стали
угрожать еврейскому миру, старая политика Лиги
Наций начала постепенно приобретать новый смысл.

Раньше она была вполне совместима с полней-
шим пацифизмом, с мечтою о том, что все народы бу-
дут доступны велениям разума. Это доказывается кон-
ференцией Р. П. 1933 года, которая приняла одну ре-
золюцию о всеобщей стачке для предотвращения вой-
ны и другую о поддержке Лиги Наций.

Теперь, с 1933 года, **стоять за Лигу начало означать
— быть готовым к ведению настоящей войны.** Из во-

**

Но в тех же отчетах можно почерпнуть не мало данных и для уяснения тех **методов**, которыми может быть достигнуто — не просто «свержение» Сталинского самодержавия, с более или менее безразличным отношением к непосредственным последствиям такого свержения, а ликвидация диктатуры Сталина в условиях, дающих наибольшие шансы для **демократического и социалистического** закрепления и развития тех материальных, социальных и культурных предпосылок, которые созданы свыше чем двадцатилетним ходом революции.

В связи с введением «самой демократической в мире» Сталинской конституции мне не раз приходилось говорить, что не на путях разрушения или игнорирования созданных этой конституцией государственных форм, а лишь на путях борьбы за их завоевание и использование мыслима, в наличных международных и внутренне-советских условиях, **такая** ликвидация Сталинской диктатуры. Не потому, чтобы я заблуждался насчет сугубо - плебиспитарного характера Сталинской «демократии» или хуже, чем кто-либо другой, понимал истинную цену казенных заверений, что «только наши выборы являются действительно народными, действительно свободными, до конца демократическими выборами» («Изв.», 29 июля), а потому, что только на этих путях, путях систематической и все более организованной борьбы за овладение всеми звеньями нового, пока демократического лишь по форме, государственного аппарата может энергия народных масс добиться осуществления тех — демократических и социалистических — целей, которые соответствуют собственным интере-

сам этих масс, а не превратиться в бессознательное оружие своих фашистско - реакционных врагов.

Что задача возникновения и развития такой борьбы в условиях тоталитарной Сталинской диктатуры бесконечно трудна, — об этом спору быть не может. Но не может быть спору и о том, что, если бы разрешение этой задачи оказалось вообще невозможным, то это означало бы, что исторически невозможна уже **демократически - социалистическая** ликвидация Сталинского единодержавия; что **реакционно - фашистский** исход современного советского режима уже предрешен; что борьба за предотвращение такого исхода была бы чистой утопией; и что социалистам - демократам не остается, в сущности, ничего другого, как сложить руки, ждать той развязки советской трагедии, которую другие общественные силы подготовят без них и против них, чтобы уже на новой, не сталинско - большевистской, а фашистско - реакционной почве начать работу над возрождением своих идей и своего движения.

Думается, однако, что ни общая мировая, ни внутри-советская ситуация, если оценивать ее не с точки зрения политической оболочки, а с точки зрения глубинных, массовых экономических, социальных и культурных процессов, основания для такого крайнего пессимизма не дает. И в этом смысле материал, даваемый сессиями республиканских В. С., представляет не малый интерес, поскольку он напоминает о кое-каких факторах внутри - советского порядка, в своем развитии не могущих не дать известных, как любил выражаться П. Б. Аксельрод, «зацепок» для тех форм борьбы за демократическую и социалистическую ликвидацию Сталинского единодержавия, о которых говорилось выше, и, следовательно, придающих расчетам и перспективам,

площени панифистского идеала Лига постепенно превращалась в вооруженный союз держав, угрожаемых нацистской Германией. Р. П. лишь постепенно осознала все последствия этого изменения. Оно повлекло за собою весьма существенный пересмотр внешней политики партии и вызвало внутреннюю борьбу в ее рядах.

На Соуспортской конференции 1934 г. Исполнительный Комитет наметил свое отношение к новой политической ситуации. В своем годовом отчете он констатировал, что

«в виду последних событий на континенте... могут быть случаи, когда движению придется поддерживать кое - какие оборонительные мероприятия, имеющие целью охрану народов и их демократических учреждений».

В своих политических тезисах «Война и мир» Исполнительный Комитет находился под очевидным влиянием традиционного инстинкта движения — быть в оппозиции правительству и ясно отгораживаться от его внешней политики. В предшествующем году этот инстинкт нашел выражение в резолюциях в пользу всеобщей стачки на случай войны, принятых и партийною конференцией, и конгрессом трэд-юнионов. «Война и мир», в свою очередь, выдвигает на первый план проекты создания международной воздушной и полицейской силы и парламентского Акта о мире.

Но действительное значение «Войне и миру» придает ясное осознание того факта, что политика Лиги Наций может включать в себя войну и поддержку правительства. «Война и мир» заявляет, что

«необходимо различать между войною наступательною и войною в защиту коллективной системы мира... Политика Р. П. признает... **обязанность неуклонно поддерживать правительство** во всяком риске и последствиях, вытекающих из выполнения им его обязательства участвовать в коллективных действиях против нарушителя мира».

Это последнее положение лишало значения заверение, что внешняя политика Р. П. отлична от политики правительства. В свете этого положения теряло значение и обличение действительных мотивов правительственной внешней политики и действительных причин войны («хаотические условия роста производства для прибыли»), как и угрозы встать в оппозицию правительству, если оно будет открыто действовать в духе своих действительных мотивов. Мысль о всеобщей стачке для предотвращения войны была оставлена в стороне; тенденция же рабочего движения к уклонению от ответственности во внешне - политических вопросах приняла форму утверждения, что

«ответственность за предотвращение войны не должна возлагаться на одно лишь трэд - юнионистское движение. Каждый гражданин, желающий мира... должен нести свою долю ответственности».

На Брайтонской конференции 1935 года эта новая политика подверглась дальнейшему уточнению. Юз Далтон внес резолюцию Исполнительного Комитета об «Италии и Абиссинии», осуждавшую Италию; требовавшую от нее передачи ее притязаний на рассмотрение Лиги Наций; приглашавшую британское правительство, совместно с другими державами, принять все необходимые меры, предусмотренные пактом Л. Н., для обуздания итальянского правительства и высказывавшуюся за созыв мировой экономической конференции. Р. П. обещала свою «решительную поддержку всем действиям (— правительства), совместимым с принципами Лиги Наций».

Результаты «голосования о мире», незадолго до того проведенного Р. П., показали, что ее политика приверженности к Лиге Наций и решительной поддержки ее

основанным на осуществлении этих форм борьбы, исторически вполне **реальный** характер, как бы трудно ни оказалось на деле их практическое воплощение.

Как известно, главным предметом занятий республиканских «парламентов» было утверждение положения о выборах в местные советы. Учреждаемая этим положением система выборов крайне сложна и громоздка вследствие «многоэтажности» советско - государственного здания и неоднородности его архитектуры: одному и тому же избирателю придется одновременно подавать в одном и том же избирательном участке 4, а то и 5 бюллетеней с различными именами в качестве участника четырех или пяти «избирательных округов», различных по своему количественному составу и территориальному охвату в соответствии с тем «этажем» советского здания, к которому они относятся. Как справятся власти предрешающие и само население с материальной и технической организацией и с функционированием этой гигантской избирательной машины (все выборы должны быть произведены по республике в один и тот же день), — это вопрос особый, на котором я останавливаться не буду, как не буду еще раз напоминать о самом характере этих выборов, «тайна» которых обесценивается гласным выставлением и отпеживанием кандидатов, и в которых не только политическая, но экономическая и бытовая «тоталитарность» диктатуры является наиболее действительным орудием «единодушия».

Но вот цифры, которые имеют как будто не только математическое, но и политическое значение: в день выборов в одной только РСФСР будет избрано в местные Советы различных этажей около **850.000 депутатов**, а в составе различных избирательных комиссий будут работать в течение 50 - 55 дней не меньше **4 мил-**

лионов человек, в том числе около 2 миллионов в сельских местностях (См. заметку «Второй пункт» и доклад И. Т. Голякова в «Изв.», от 29 июля)! Для всех 11 советских республик эти цифры будут, конечно, еще более грандиозными. Надо думать, что общее число «местных» депутатов перевалит далеко за миллион, а что касается числа лиц, вовлекаемых в работу избирательных комиссий, то «Известия» (4 авг.) называют цифру **«около 7 миллионов»!**

Надо только конкретно представить себе все **потенциальное** политическое значение этого вовлечения гигантских масс в общественно - государственную работу, да еще работу, так непосредственно затрагивающую самые насущные материальные, культурные и бытовые интересы этих масс! Конечно, сегодня террор диктатуры превращает девять десятых или, если угодно, девяносто девять сотых этой работы в фикцию и обеспечивает «единодушное» голосование за «блок беспартийных с коммунистами», т. е. на самом деле за Сталина. Но не надо забывать: чтобы террор мог средствами **внешнего** насилия довести до полного паралича волю многомиллионных масс, необходимо, чтобы самая сопротивляемость их террору была ослаблена какими-то факторами **внутренне** - психологического порядка. Это так же верно для террора фашизма, как и для террора Сталинской диктатуры, и выше были уже отмечены эти факторы: если для фашизма эту роль играют те «антикапиталистические», национальные и расовые эмоции, которые он будит и разжигает в мелкой буржуазии городов и деревень, то для Сталинского единодержавия ее играет его историческая связанность с теми громадными материальными, социальными и культурными достижениями, положительное отношение к которым, очевид-

соответствует желаниям огромного большинства народа.

Это изменение внешней политики Р. П. сопровождалось резкими конфликтами в ее рядах. В этих конфликтах распался старый молчаливый союз между чистыми пацифистами и революционными пораженцами. Лэнсбери и Криппс отстаивали весьма несхожую политику и были объединены лишь в оппозиции большинству партии.

Криппс незадолго до Брайтонской конференции выступил из Исполнительного Комитета и встал в самую резкую оппозицию к новой линии. Его нападки были частью справедливы, поскольку он обличал крайнюю доверчивость партии к словам правительства: и действительно, он предсказал обман Хоара - Лавала. Но в смысле положительной программы Криппс скатился к проповеди простого возврата к довоенной политике воздержания и анти - империализма, облеченной в формулы Ленинского революционного поражения. В Союспорте Социалистическая Лига предложила поправку к «Войне и миру» с нападками на поддержку Лиги Наций, с лозунгом решительного сопротивления всей внешней политике правительства и с призывом к рабочим сопротивляться войне революционными методами. В Брайтоне Криппс обвинил Р. П. в том, что поддерживая санкции, она должна будет поддерживать правительство и в войне, которая может из них вытечь. Он хотел бы обуздать Италию, но сделать ничего нельзя... «Печально, трагично, но неоспоримо, что в данный момент британские рабочие не могут иметь влияния в сфере международной политики».

Пацифистская точка зрения была представлена Лэнсбери и Понсонби, которые критиковали политику санкций, как могущую привести к войне, и высказывали свое убеждение в бесполезности сопротивления агрессии силою.

Прения об Италии и Абиссинии заняли полтора дня, и большинство известных деятелей партии произнесло длинные речи. При голосовании мандатами резолюция Исполнительного Комитета была принята свыше чем 2 миллионами голосов против 102.000 (соединенные пацифисты и революционные пораженцы).

Эта борьба внутри партии, ее исход, смещение Лэнсбери с поста лидера показали, что во внешне - политической позиции Р. П. произошло действительное изменение. Она с открытыми глазами взяла на себя обязательство поддерживать союз с капиталистическими державами против угрозы фашистской агрессии. Но хотя Национальное правительство на словах отстаивало на выборах 1935 года эту же политику и подчас без труда вводило в заблуждение Р. П., все же на деле политика Р. П. существенно отличалась от политики правительства в том смысле, что исключала всякую возможность сговора с фашистскими правительствами и уступок им. И действительно, внешняя политика Р. П. играла значительную роль, временами удерживая правительство от осуществления его планов содействия Италии в деле завоевания Абиссинии. Внешняя политика Р. П. изменилась настолько, что тори получили возможность позировать в роли партии мира против воинственной Р. П. Новейшее развитие политики Р. П. было тем более знаменательным, что оно имело место в момент, когда внешняя политика стала привлекать особенное внимание общества.

Но хотя Р. П. имела теперь свою собственную ясную и конкретную политику, эта политика была еще весьма далека от того, чтобы начать превращаться в действительно и определенно **самостоятельную** политику. Партия все еще чувствовала себя растерянной в новой ситуации; она судорожно старалась убедить себя, что правительство согласно с нею; она была готова воспользоваться любым предлогом, чтобы констатировать,

но, до сих пор перевешивает в психике широчайших народных масс, их отталкивание от тех отрицательных сторон, которыми все больше оборачивается к ним Сталинская диктатура и в экономической, и в социальной, и в политической областях.

Но вечно такое положение продолжаться не может. Классов, в конце концов, «обмануть нельзя». Миллионы людей никакой террор не может заставить не только отказаться от защиты своих насущнейших интересов, но еще собственными руками ковать себе оковы, или, точнее, — может заставить лишь в том случае, если власть, практикующая террор, опирается еще на более многочисленные миллионы, из которых она черпает человеческий материал для своего «аппарата принуждения» — армии, полиции, судов и т. д. Поэтому как раз те, кто убеждены, что Сталинское единодержавие вступает во все более непримиримое противоречие с интересами рабочих и крестьян, что между ним и подавляющим большинством населения разверзается все более непроходимая пропасть, — как раз они должны считать наиболее вероятной и реальной перспективу, когда те 8 - 10 миллионов представителей рядовой, рабоче - крестьянской советской массы, которые втянуты в работу Сталинского государственного аппарата и руками которых Сталин и превращает этот, формально «демократический», аппарат в орудие плебисцитарного утверждения своей диктатуры, откажутся от выполнения этой работы, столь явно идущей в разрез и с их собственными интересами, и с интересами той социальной среды, к которой они принадлежат.

А в таком случае, что утопического, нереального, не оправдываемого уроками истории заключается в мысли, что в этот момент разрыва своего с политически экс-

плуатировавшей их тоталитарной диктатурой, эти миллионы не захотят по-просту выпустить из своих рук те рычаги и рычажки государственного аппарата, которые диктатура-же им вручила для «плебисцитарного» употребления, а, наоборот, захотят воспользоваться ими для защиты своих интересов, т. е. для превращения плебисцитарной лже-демократии в подлинную демократию трудящихся масс? И почему иллюзорной является политическая работа, ориентирующаяся именно на такой ход развития, являющийся в наличных условиях наиболее реальным и вероятным и в то-же время единственно обеспечивающим демократическо - социалистическую ликвидацию Сталинского единодержавия?

Основное противоречие, заложенное в режиме этого единодержавия, в том и заключается, что он вынужден не только в своей фразеологии апеллировать к интересам масс, но и в свою политическую практику вовлекать все растущие миллионы: этим противоречием он и будет, в конце концов, взорван. Об этом еще раз напоминают те сессии Верховных Советов, которые только что прошли, и, надо думать, еще внушительнее напомнят те местные выборы, которые они своей работой подготовили.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

что правительство изменило свою внешнюю политику; она не требовала гарантий; она заклинала правительство позволить Р. П. поддерживать его.

И тем не менее произошло существенное изменение. Вместо «какую бы внешнюю политику вы ни делали, мы будем протестовать, но пойдем за вами», Р. П. начала говорить: «если вы примете такую внешнюю политику, а не иную, мы будем решительно поддерживать вас». Эта позиция была новой; но мысль, что **руководить** внешней политикой — дело господствующего класса, продолжала теплиться в глубине души.

2. Испания и Чемберлэн. Следующий этап был пройден в связи с испанской революцией и премьерством Чемберлэна. Здесь произошло в области внешней политики настоящее классовое разделение. Чемберлэн был временами готов подвергать опасности империалистические интересы Британии, чтобы предотвратить гораздо большую опасность крупных народных движений в Европе. Р. П. - же продолжала отстаивать в оппозиции внешнюю политику, сочетающую интересы империи с интересами рабочего класса.

Но естественная тенденция к поддержке внешней политики правительства была так сильна, что в течение целого года партия мирилась с невмешательством. Когда три месяца спустя после начала испанской войны собралась партийная конференция 1936 года, то, хотя начинало уже становиться очевидным, что невмешательство есть просто комедия, она единодушно поддерживала внесенную экспромтом (и слегка усиленную поправкой) резолюцию Исполнительного Комитета, не требовавшую на первых порах ничего кроме обследования практики невмешательства; и только в случае, если будет доказано нарушение его, испанскому правительству должно было быть предоставлено право закупки оружия. И не ранее, чем через год, когда невмешательство было окончательно дискредитировано, но-

вая тенденция в Р. П. к самостоятельной внешней политике утвердилась и привела к серьезной атаке против правительства. Тот факт, что Блюм и правительство Народного Фронта во Франции поддерживали невмешательство, несомненно замедлил переход Р. П. к оппозиции этой политике.

Принятая в 1935 году в Брайтоне политика поддержки объединенных действий не-фашистских держав для противодействия фашистской агрессии привела очень скоро к существенному изменению позиции партии в вопросах вооружения. По началу партия по-прежнему стояла непоколебимо за идеал разоружения, но на Эдинбургской конференции 1936 года она ясно увидела, что это должно быть лишь идеалом, а не практической политикой, противопоставляемой правительственной политике вооружения. Поэтому И. К. внес резолюцию, в которой

«конференция еще раз подтверждает решимость Р. П. сохранять оборонительные силы в мере, соответствующей нашим обязательствам, как члена Лиги Наций, но... обращаясь к плачевному меморандуму правительства, Р. П. отклоняет от себя всякую ответственность за чисто состязательную программу вооружения...»

Эта резолюция вызвала еще более горячие прения, чем в прошлом году резолюция об Италии и Абиссинии. На И. К. резко напали Криппс с одной стороны, Лэнсбюристы с другой, а также те, кто хотел усилить резолюцию указанием на определенные условия, при которых партия будет поддерживать вооружение. В конце концов резолюция была принята большинством 3:1. Пока правительство признает на словах коллективную безопасность и Лигу Наций, эта резолюция обязывает партию поддерживать вооружение, что в действительности и имело место с 1936 года по сегодняшний день.

А. ЮГОВ.

Производительность труда в колхозах

Коллективизация сельского хозяйства России сохранится и укрепится только в том случае, если она обезличит народному хозяйству страны более высокую производительность труда.

Крупные размеры колхозного хозяйства, широкое применение механизации и машинизации, освоение новой техники и новой агрокультуры — создавали организационные и производственные предпосылки для быстрого увеличения производительности труда в колхозах, даже несмотря на псевдокооперативную их сущность.

Эту позицию мы всегда проводили в наших статьях, исходя из нашего принципиального отношения к процессам механизации и введения новой техники и на основании изучения советской действительности. Но до сих пор, отчетные данные об итогах деятельности колхозов были слишком общи, они сводились к данным о росте продукции, о росте механизации, отчасти о увеличении доходности колхозов, но о росте производительности труда появлялись лишь отрывочные, случайные сведения.

Сейчас впервые опубликованы данные нескольких массовых обследований о производительности труда в колхозах. Опубликованы данные о затратах труда на зерновые культуры по 430 колхозам (по 6 различным сельско-хозяйственным районам Союза) в 1933 и в 1937 г. г. Наркомзем СССР опубликовал баланс труда

по отчетам колхозов 1937 г. А ЦУНХУ Госплана произвело исчисление по данным бюджетных обследований затрат труда в личном хозяйстве колхозника. Кроме того, Отдел Учета сельского хозяйства ЦУНХУ произвел ряд расчетов балансов труда по отдельным областям и отдельным МТС.

Как бы ни было закономерно недоверие к объективности обследований советских органов, но все же материалы и выводы этих обследований дают наконец статистический ответ на вопрос об экономической прогрессивности современных форм советского сельского хозяйства.

На основании материалов, опубликованных в последних книжках «Планового Хозяйства» и «Социал. Сельского Хозяйства» мы попытаемся сделать несколько выводов о производительности и балансе труда в современных колхозах.

Механизация сельскохозяйственных работ, осуществленная за годы коллективизации, привела к огромному сокращению человеческого труда в сельском хозяйстве колхозов.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

Но в то же время партия все-же стоит на почве политики, отличной от нынешней политики правительства (хотя и не столь отличной от политики, которой правительство следует на словах). Оппозиция нынешней политике правительства проводилась в течение чешского кризиса весной и летом 1938 года, в период, когда внешняя политика стала фактически центром политического внимания всей страны. За исключением дня, когда Чемберлен вылетел в Мюнхен (когда партия на минуту поверила в самые лучшие намерения правительства и пожелала Чемберлену удачи), Р. П. неизменно вела настойчивую и выдержанную атаку.

3. Нынешний этап: 1939 г. На нынешнем этапе замыкается круг, и партия оказывается в таком-же согласии с правительством во внешней политике, как и в 1914 году. Но теперь причина заключается в том, что правительство изменило свою линию. С устранением Испании и с возрастанием Гитлеровской опасности правительство приняло чисто империалистическую внешнюю политику, что, по видимости, и привело его на линию лэйбористского анти-фашизма.

Таким образом есть существенная разница между сходными по видимости ситуациями 1914 и 1939 годов. Р. П. по-прежнему готова дать свою поддержку в войне, но только против врага, ею самою намеченного. Теперь правительству невозможно рассчитывать на поддержку Р. П. в войне против какой-либо другой страны кроме фашистской, между тем как в 1914 году, вероятно, можно было убедить Р. П. поддержать войну против любой страны.

В этом — мера самостоятельности внешней политики Р. П. В действительности и на практике не может быть случая, чтобы ее призвали к войне против какой-либо страны кроме фашистской. И у Р. П. вызывает явное удовлетворение констатация того факта, что ее самостоятельная политика не вовлекает ее в борьбу

против правительства по столь важному вопросу.

Таким образом внешняя политика Р. П. представляет собою смесь: частью старого желания поддерживать правительство, какую бы политику оно ни вело; частью старого идеала Лиги Наций; но частью и новых элементов положительной конкретной политики. Партия желает поражения Гитлера; она будет противодействовать всякой другой политике; она готова довести свою политику до неизбежного вывода — поддержки правительства, поскольку оно (в силу тех или иных классовых соображений) примет политику Р. П.

Нельзя сказать, что Р. П. уже доразвилась до вполне самостоятельной внешней политики; для этого она явно не готова вести борьбу за свержение правительства; и в то же время она готова видоизменять характер своей оппозиции, чтобы не причинять затруднений правительству. Но можно определенно сказать, что Р. П. имеет действительно свою собственную внешнюю политику, основанную на ясном понимании интересов британского рабочего класса во внешне-политических делах, а до известной степени и на интересах рабочего класса в международном масштабе. Р. П. уже не отодвигает вопросов внешней политики на задний план, но смотрит на них, как на свое главное дело. Ее взгляд и желания стали фактором, с которым правительство не может не считаться.

Пост - скриптум

Статья эта была закончена до Соуспортской конференции Р. П., и необходимо прибавить несколько слов о прениях по внешней политике на этой конференции. Решения ее подтверждают выводы этой статьи, что поддержкой Р. П. в военных приготовлениях правительство сможет пользоваться лишь постольку, поскольку будет вести борьбу против фашизма и нацизма. В то же время в партии крепнет сознание, что мо-

Отдел Учета с-х-ва ЦУНХУ произвел специальный расчет экономики труда в колхозах 1937 года. Расчет был произведен по 16 важнейшим работам с-х. цикла, начиная от весновспашки, кончая молотью и уборкой. По всем без исключения операциям **при механизации было затрачено на 1 га меньше человекоднев, чем в единоличных хозяйствах периода довоенного и Нэпа.** Особенно велика экономия труда, получаемая благодаря применению трактора и комбайна. Если исчислить производительность труда по затратам труда в единоличных хозяйствах и в колхозах, применявших тракторы и комбайны, то она выросла **в среднем, почти в 7 раз.** Как велика экономия человеческого труда при уборке комбайнами, можно судить из того обстоятельства, что **каждый комбайн заменил в среднем 73 работника** и что, работавшие на полях комбайны сократили в 1937 г. потребность в рабочих в период уборки не менее, чем на 7,5 млн. человек *).

Это исчисление, а также и другие обследования колхозов показывают, что повышение производительности труда не объясняется лишь введением машин, но также и лучшей организацией труда и постепенным лучшим освоением машин и механизмов.

Даже в тех колхозах, которые и сейчас применяют главным образом конно-ручную силу, количество трудодней, затрачиваемых на ту же работу, на 30% меньше, чем в крестьянских хозяйствах. Производительность труда в колхозах также из года в год возрастает по мере лучшей организации труда и увеличения количества машин.

Обследование 430 колхозов в 1937 г. осветило те же вопросы, применяя иные методы. Было произведено **исчисление затрат труда** в крестьянских хозяйствах периода Нэпа, в колхозах 1933 г. и в колхозах 1937 года. Обследование охватило шесть с-х. районов: Азово-Черноморский край, Воронежскую область, Западно-Сибирский край, Калининскую область, БССР, УССР.

По всем районам результаты показывают одно и то же явление: **громанный рост производительности труда**

*) «Плановое Хозяйство», № 4, 1939.

тивы правительства отличаются от ее собственных. Это сознание сказалось в выступлении Эрнста Бевина по внешней политике, — самой выдающейся из речей, произнесенных на конференции и, несомненно, одной из самых зачитанных, поскольку ее можно рассматривать, как выражение мнений человека, занимающего положение вождя одновременно и в Р. П., и в Конгрессе Трэд-Юнионов.

Данный Бевином анализ экономических причин военной опасности, как и его положительные предложения свидетельствуют о возрастающей зрелости взглядов в рабочем движении и о приближении к положению, когда Р. П. уже не будет следовать слепо за правительством. Его нападки на финансовый мир и, в особенности, на Лондонское Сити и его суровое осуждение Оттавского соглашения показывают развитие настоящих анти-империалистических настроений в партии.

Предложение о созыве конференции рабочих сил доминионов с возможным расширением ее в сторону привлечения Соединенных Штатов и некоторых европейских стран является одним из самых конструктивных предложений, сделанных за последнее время в Р. П. Важно также отметить, что он подчеркнул мысль о дружеских чувствах Р. П. по отношению к германскому народу, в отличие от его правителей.

Действия вождя партии в ближайшие месяцы покажут, действительно ли от их имени говорил Бевин.

в колхозах. В среднем по всем этим районам **на каждые 100 человекоднев труда приходилось в колхозах 1937 г. — 98 ц. зерна, в колхозах 1933 г. — 57,8 ц. и в единоличных хозяйствах 1922 - 1925 г. г. — 31,1 ц. зерна.**

Значительно сократились также и затраты труда на обработку 1 га посева зерновых культур. В среднем по всем районам достигнута экономия труда в колхозах 1937 г. на 50%, а в колхозах 1933 г. на 40,9% по сравнению с единоличными хозяйствами *).

Аналогичные выводы следует сделать и при обследовании затрат труда по обработке культуры **подсолнечника, льна и картофеля.** Сокращение труда в колхозах по сравнению с крестьянскими хозяйствами в 2,4, 1,4 и 1,3 раза — отмечено при обследовании всех районов.

Все эти обследования показывают не только большую экономию труда в колхозах по сравнению с крестьянскими хозяйствами, но и **большую производительность труда в колхозах 1937 г. по сравнению с колхозами 1933 г.,** т. е. показывают громадные возможности дальнейшего роста производительности труда, возможности, которые будут реализовываться по мере хозяйственного и организационного укрепления колхоза.

Госплан произвел также и отдельное обследование **45 передовых колхозов.** По сравнению с средними колхозами передовые колхозы достигли производительности труда почти в два раза более высокой. «Благодаря этому, доход, распределяемый по трудодням, у них более, чем в два раза превышал доход средних колхозов. «Соц. Сел. Хоз.» (№ 7 — 39), приводя этот факт, конечно, объясняет его высокой производительностью передовиков - трактористов и стахановцев - комбайнеров. Если бы, вместо этой обязательной «формулы» журнал привел бы данные о степени механизации этих передовых колхозов и о наделении их землей по сравнению с средними колхозами, мы, быть может, имели бы иные, гораздо более реальные, объяснения повышенной производительности этих колхозов.

Повышение производительности труда в колхозах — это означает уменьшение затрат труда, потребных на производство единицы продукции. Но если одновременно не происходит быстрый рост общего производства продукции в этой же или иных отраслях хозяйств, то **неизбежно резкое нарушение баланса труда:** высвобождается большое количество рабочей, не находящей себе применения, силы.

Как же обстоит дело с балансом труда в современном Союзе?

Ни одно из выше перечисленных обследований не дает точного ответа на этот вопрос, да и не может дать, так как все элементы для соответствующего исчисления слишком неопределены. Но некоторое представление о действительном положении дел, при внимательном изучении материала, получить все же возможно. Материалы по обследованию колхозов **Воронежской области** опубликованы наиболее полно и они дают основание для следующих выводов. Наличное трудоспособное население области от 16 до 59 лет было исчислено по всем колхозам. Было исчислено количество трудодней, которое они должны были проработать в среднем и в месяцы минимума (январь) и максимума (июль). С этими цифрами, выражающими **запас трудовых ресурсов,** было произведено сравнение фактических **трудовых затрат** в среднем и в месяцы январь и июль.

В 1937 г. в среднем оставалось неиспользованным — для мужчин 26,2% запаса, для женщин 51,1% запаса и

*) И. Меринов — Производительность труда в колхозах — «Соц. Сел. Хоз.-во», — № 7, 1939:

Для колхозников и колхозниц вместе — 39,8% запаса всех трудовых ресурсов. Для июля получаем следующие неиспользованные трудовые резервы: для мужчин — 21,9% для женщин — 33,1% и для всех — 27,8% запаса.

Для Воронежской области это означает от 150 до 220 тысяч полных работников, неиспользуемых в колхозе.

Бюджетные данные по Воронежской области показывают, что в январе 1938 г. в колхозах работало немного более 2/3 наличного, мужского населения и лишь около 1/3 женского населения. В период «страды» % работающих женщин увеличился до 68%, а мужчин до 85%. За весь год не выработали ни одного трудодня в 1938 г. по Воронежской области — 126 тыс. колхозников, а выработали от 1 до 50 трудодней 285 тыс. человек *).

Таковы данные по одной области. Суммируя данные по всей стране, Госплан исчислил общую цифру, «избыточного населения» деревни в 1937 г.

Для всего СССР Госплан исчисляет число трудоспособных крестьян, «освободившихся» благодаря применению механизации, в 12,6 млн. человек.

ЦУНХУ другим методом исчисляет экономию труда, благодаря применению тракторов и комбайнов в 1937 г. — в 1.285 млн. трудодней, т. е. приблизительно в 10 млн. человек.

В месяцы напряжения с.-х. работ эта цифра избыточного населения колхозов падает до 6 млн. человек, а в месяцы зимние повышается.

Что означают эти цифры с точки зрения народного хозяйства?

Они означают, во-первых, что в современных колхозах, быстро повышающих производительность труда благодаря механизации, не происходит в достаточных размерах соответствующего процесса интенсификации хозяйства, поглощающего высвобождающуюся рабочую силу.

Они означают, во-вторых, что хозяйственно - избыточное население колхозов фактически остается на бюджете колхозов, повышая стоимость производимой продукции и этим значительно уменьшая ценность повышения производительности труда.

Они означают, в-третьих, что условия труда и быта на заводах и рудниках СССР, испытывающих недостаток в рабочей силе, в настоящее время таковы, что естественной тяги из деревень в города, тяги, типичной для прошлых лет, нет в достаточных размерах. Но гораздо существеннее то, что городская индустрия и не в состоянии включить и освоить многомиллионную армию первоработающих в таких размерах. Учтем, что исчисления Госплана несомненно преувеличены, допустим, что в деревне не 10 - 12 млн. избыточного населения, а лишь половина — 5-6 млн. человек. Но за всю вторую пятилетку число рабочих и служащих увеличилось на 4 млн. человек, а весь план третьей пятилетки предполагает увеличение за 5 лет числа рабочих и служащих на 3,2 млн. человек. Во сколько же лет, при таких условиях индустрия города сможет освоить новых 5-6 млн. человек избыточного населения деревни, если принять во внимание, что общий прирост населения за пять лет по размерам выше того роста, который намечен для городского пролетариата третьей пятилеткой?

И, наконец, избыточное население колхозов в 5 - 10 млн. человек означает, что самой важной, самой насущной задачей, стоящей сейчас перед народным хозяйством СССР — является: найти хозяйственно - целесообразное применение труду и творчеству миллионов

*) Б. Бабькин — О балансе труда в колхозах. «Плановое Хозяйство» № 12, 1938.

„Мировой Большевизм“ по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée, Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

людей, обреченных на дилемму: или обременять колхоз и все народное хозяйство скрытым иждивенчеством или открыто превратиться в безработных, пенсионеров государства.

Для правильного понимания положения вещей следует, однако, учесть, что значительная часть этого избыточного населения колхозов фактически трудится и кормится не в колхозе, а в своем усадьбном хозяйстве. По официальным данным обследований, примерно около 15% из резервов трудового населения колхозников находит свое применение в личном хозяйстве. Мы думаем, что усадьбы играют значительно большую роль в трудовом использовании рабочей силы. Но во всяком случае ответственность советской власти, при таком катастрофическом состоянии баланса труда, вновь принявшей за «прижим и ограничения» частного хозяйства колхозников, очень велика.

Слишком быстрый, плохо регулируемый государством, совсем не регулируемый экономическими факторами, рост механизации в сельском хозяйстве СССР создал ряд неизбежных противоречий и прорывов. Введение машин, тракторов и комбайнов, без учета того, в каких пределах размеры с.-х. производства и размеры накопления деревни в состоянии их экономически освоить и безболезненно амортизировать *), без одновременного и соответствующего роста индустриализации деревни, без одновременного и соответствующего процесса дифференциации хозяйственной структуры деревни, без факторов, регулирующих эквиваленты стоимости с.-х. и промышленной продукции, т. е. зерна и вводимых машин, все это предопределило неизбежность очередной диспропорции советского хозяйства: положительное явление — рост производительности труда в колхозах вызвал одновременно страшное отрицательное явление — выбрасывание из трудового процесса миллионов трудящихся, ставших экономически избыточными.

Советская власть сейчас перед сложной задачей.

Для хозяйства, в котором действуют частно - хозяйственные интересы, подобные последствия повышения производительности труда и рационализации — обычны. Хотя, поучительно отметить, что и капиталистическое хозяйство, при больших размерах безработицы, бывает вынуждено устраивать общественные работы, при организации которых исходит не из принципа механизации, а из принципа трудоемкости работ.

Но советское хозяйство в больших размерах осуществило плановость. Руководители его знали к каким результатам должна будет привести молниеносная механизация. Они преступно объявили «вредителями» всех

*) Высокие цены, которые колхозы уплачивают МТС за пользование тракторами, комбайнами и машинами и низкие цены, которые платит государство колхозам за хлеб и сырье — лишь отражение и выявление этого противоречия в ежедневной практике.

тех, кто их своевременно предупреждал, что к использованию «избыточного населения» деревни надо готовиться. Они годами скрывали, замалчивали все симптомы растущего «перенаселения» колхозов.

Но теперь, когда гром уже грянул, когда размеры катастрофы осознаны руководителями СССР, **нужны быстрые и серьезные меры**, соответствующие интересам всего народного хозяйства и миллионов населения.

Конечно, не возврат к сохе и не раздел колхозов. Но и не смехотворная мера: переселение избыточного населения на Дальний Восток. Эта мера, в лучшем случае, поможет тысячам, но не миллионам.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Вторая действительность

Советские литературные журналы чем-то напоминают городские квартиры во время каникул: мебель стоит на своих местах, но ставни приоткрыты, большинство обитателей на даче. В квартирах на положении дачных мужей живут только самые неперенные герои, без которых сегодня невозможно написать ни романа, ни повести, ни пьесы: директора, инженеры, летчики, художники, педагоги. Люди эти населяют современные произведения и являются тем новым культурным слоем, который сложился в Советском Союзе в результате 20-летней революции; на излете первой пятилетки они растворялись в социально более широком слое «знатных людей», сейчас это «**советская интеллигенция**», «соль земли»; интеллигенция эта в серьез считает себя выразительницей интересов страны, занимающей одну шестую земного шара.

Поглощенность литературы и особенно литературной критики жизнью и интересами советской интеллигенции так всеобъемлюща, так откровенно - наивна, что факт этот уж сам по себе заслуживает самого пристального внимания. Так класс, победивший в революции или выросший из нее, рассматривает свои интересы, как интересы всего государства, всей нации. Так было и после Французской революции, то же повторилось после Германской революции 48-го года, когда буржуазия, устами своих писателей гордо заявила: народ — это я!

Официально советская интеллигенция является представительницей **бесклассового общества**, переходящего сейчас от «построенного социализма» к «коммунизму». Человеку, не знакомому со всеми перипетиями русской революции и радикальной эволюцией ее ведущих идей, при чтении многих современных произведений и особенно публицистики и впрямь должно казаться, что Советский Союз населен по преимуществу «интеллигенцией», что рабочие и крестьяне составляют в нем все убывающую категорию каких-то «последних могикан». Из недавно произведенной анкеты Ленинградского союза писателей выяснилось, что из 300 его членов только двое пишут на темы колхозной деревни. Ученые статистики не заинтересовались процентом писателей, пишущих на рабочие темы, ибо таковых — при упорном молчании **Сергея Семенова** и недавней смерти **Дм. Лаврухина**, повидимому, просто не оказалось. Такова же приблизительно картина и по Московскому союзу писателей...

Лет десять назад пролетариат склонялся во всех падежах. На пороге второй пятилетки довольно многочисленная писательская группировка после нескольких лет вынужденного молчания вновь робко заговорила о крестьянстве, которое, мол, с дальнейшим закреплением «наших побед», должно в гораздо большей степени, чем

Нужно быстрое и решительное осуществление всех мер, способствующих **индустриализации и интенсификации сельского хозяйства**, в его обеих формах — колхозной и частно-хозяйственной. А это возможно только в том случае, если государство прекратит свои периодические набеги на усадьбное хозяйство и, если колхознику будет в полной мере обеспечена его частно-хозяйственная заинтересованность в развитии колхоза.

Колхозы должны для этого стать **свободной кооперацией**, управляемой самими крестьянами. Эта задача в полном объеме ставит основную проблему, проблему политическую.

до сих пор стать «не только объектом, но и субъектом нашего искусства». Но автор этих мыслей и один из самых политически - вдумчивых представителей этой группировки, **Иван Катаев**, вскоре после этого был объявлен «троцкистом» и был вычищен из писательских рядов. Таким образом, общественная формация, претендующая быть представительницей всей 170-миллион. страны, после неисчислимых колебаний и зигзагов, оказалась поставленной лицом к лицу с самой собой. Так возникло в середине второй пятилетки явление, которое можно назвать **советским нарциссизмом**, поглощенностью верхнего слоя советского общества самим собой. Советские писатели в общем и целом только верно отражают это явление. А если кто-нибудь среди них все-же умудрится показать уголок живой действительности, отобразит реально существующие общественные отношения внутри страны, на это имеются надлежащие критики, чтобы своевременно «разъяснить и увязать», либо — замолчать писателя.

«Оживленную» дискуссию вызвала недавно повесть **А. Митрофанова** «Ирина Годунова». Печатник по профессии, Митрофанов — не новичек в литературе. Он начал писать в самом начале первой пятилетки, он вошел в литературу уверенно - порывисто с музой «стриженной и веселой». Эта муза, с папироской в зубах и немножко нигилистка, помогла писателю увидеть некоторые существенные неувязки в теории и практике коммунизма и предсказать, что в результате индустриального строительства, строители отвернутся от идей революции: «приобретенные гайки, да еще собранные потом и кровью в Днепрострой, остановят стальной ручищей... Довольно фантазий». Критике это, конечно, не понравилось. И устами модного в первую пятилетку «властителя дум» Корнелия Зелинского Митрофанову прозрачно намекнули, что не всякий пролетарий войдет в царствие пролетарской диктатуры. Вторая вещь Митрофанова — «Северянка» успокоила критику: писатель оказался покладистым: он легко и без внутренних конфликтов принял, как данное, существование привилегированного слоя партийной и советской интеллигенции и в ее среде ищет своих героев и героинь. Героини Митрофанова почти всегда натуры одаренные, с **дерзункой**, — своеобразная смесь из Маяковского и ранних Гамсуновских фрекен. Но Митрофанов не романист, сюжет ему не дается. Ирина Годунова, студентка консерватории и жена блестящего советского инженера — в прошлом беспризорница, потом поступила на завод и стала ударницей. Каким образом она в то же время за несколько лет из беспризорницы превратилась в тонную советскую даму (сцена у туалетного столика!) — остается секретом Митрофанова. Отображение действительности в ее

типических проявлениях, впрочем, мало интересует писателя. Митрофанов — мечтатель и он действительно любит свою мечту о независимом и одаренном человеке, не замечая, что она его приводит к культу сильной, эгоцентричной личности. Казалось бы, вот случай, где критика могла бы помочь писателю выпрямиться! Но советская критика устала от «вульгарной социологии» еще больше, чем писатели. Она обрадовалась, что Ирина наряду с музыкальными способностями обладает и чекистской сноровкой, разоблачая убийцу своего мужа. Митрофанов объявлен писателем приятным во всех отношениях и недавно награжден орденом Трудового Знамени.

Эволюция, проделанная Митрофановым, довольно типична и поощряется критикой. Недавно умерший молодой Ленинградский писатель **Дм. Лаврухин**, во многом полярный господствующим сегодня вкусам, остался почти неизвестным. Участник гражданской войны, слесарь по профессии, он шел другим, более трудным путем, упорно вдумываясь и перерабатывая литературное наследство классиков. Но это усвоение не уводило Лаврухина ни от действительности, ни от подлинных носителей и творцов революции — от трудовых масс, от тех мест, «где под трехшестенными гудками рождается, растет и песни поет, старится и горько охает рабочая заставка, где встречаются на только что открытых путях жизни те или иные характерные товарищи, разная вольная публика, заставские марухи, хлюсты и ухари». Писатель вместе со своим рабкором Ладой знает, что именно «там — дело его». «Невская повесть» — последняя вещь Лаврухина, своеобразно дополняет Петербургский цикл русской литературы, кажется отзвуком «Белых ночей» Достоевского, только прожитых не в мирное время, а после разверзшейся революции, — поэтому эти ночи овеяны большим волнением с искорками хорошего раздумья о «товарищах апостолах Октября», которых едва-ли «примут на жительство» потомки из «коммунистического завтра».

А вот маленькая иллюстрация к методам критики, когда читателя надо отвести от какого-нибудь писателя. В течении трех месяцев ведется дискуссия о молодом писателе **А. Письменном**, авторе романа «В маленьком городе» и сборника рассказов «За три года». Письменный — художник — реалист. Не владея ни большими обобщающими идеями, ни выдающимся талантом, он все-же умеет просто и непритязательно передать воздух современности. Вот содержание одного из его подвергшихся «проработке» рассказов «Одни бабы»:

Промозглый осенний вечер с нудным, злым дождем. Двое агентов милиции посланы на розыски убежавшего арестанта из кулаков. Идут они полем, продрогли, не видать ни зги. И вдруг огонек, дом, освещенное окно. Не там ли арестант укрылся? Кстати и самим можно будет обогреться. На стук вышла молодая женщина, пахнет от нее жильем, порядливостью. Агенты перечисляют приметы беглеца. Нет, она такого не видала. Зашли в комнату. И тут мир, покой, суетится старушка — мать, рядом в другой комнате попискивает младенец. Попили агенты молока, нехотя двинулись дальше, в темноту осеннего мрака. Тому, что помолоче, приглянулась ладная женщина, хочется на нее еще раз взглянуть. Под каким-то предлогом он уговаривает старшего вернуться. Подходят они к дому, заглядывают в освещенное окно комнаты, откуда доносился писк младенца. А там и сидит разыскиваемый ими беглец-отец. Агенты вбегают в дом, а молодая женщина, встав на колени, целится из ружья в агентов. Ее обезоруживают и связывают.

Надо быть воистину предельно равнодушным к живой советской действительности, о которой с наигранной

дрождью в голосе на каждом шагу распинаются критики, чтобы по поводу этого рассказа преподнести читателю псевдо-ученую галиматью о структуре фразы Письменного (о количестве употребляемых им междуметий и союзов), об «эпигонствующем реализме» и пр. Всякий, кто прочтет этот рассказ, поймет, что и со старомодными средствами писатель сумел уловить кусочек «великолепной действительности» во всем ее безответном трагизме!

Интересно отметить, что столь придирчивые к «эпигонам реализма», те же критики обнаруживают полнейшую атрофию критицизма, когда дело заходит о крепнущей сейчас — особенно в **детской литературе** — сентиментальной повести, культивирующей традиции графини Сегюр и «Золотой библиотеки», в которой специализируются **А. Гайдар**, **М. Светлов** и др. Герои их произведений — Светланы, Чуки, Геки — дети советской интеллигенции и повести эти предназначены для советского юношества. Авторы сосредоточивают все свое внимание на изображении душевной жизни этих детей, на занимательности нарочито незначительной фабулы. Наряду с любовью к родине с большой буквы здесь порой очень умело молодому читателю прививается **вкус к власти** в этой «изумительной стране»...

В писательской среде есть люди, которые отдают себе отчет в опасностях господствующих тенденций: «В литературе создается **вторая поверхностная ложная действительность**, отличающаяся от первой так же разительно, как протез от живого органа», писал недавно **Я. Рыкачев**. На передний план выдвинулись «писатели-эстеты», жалуется **Н. Атаров**; это «**королевские солдаты**», которых «во фронтовой зоне искусства узнаешь по тщеславным розовым мундирам и голубым перьям в киверах». «Королевские солдаты» по мнению писателя не только бесполезны, но и вредны: «Об этом можно бы и не говорить — замечает он — если бы отращивание к ходульности, как будто единодушно разделяемое всеми, хоть в какой-то мере сокращало количество ходульных и лживых произведений». Но эти, сами по себе верные мысли писателя подают в такой розовой, патристической водичке, что они очень скоро растворяются в этой сладкой жижице, и перед читателем встает недоуменный вопрос: Если наша действительность так великолепна, откуда это засилье в литературе «королевских солдат»?

В действительности «королевские солдаты» не только спесиво гарцуют в розовых мундирах и серебряных киверах. Они по своему несут большую «нагрузку». Ибо они то и создают эту **вторую ложную действительность**, которая призвана скрыть от взора читателей живой, беспокойный и трудный образ страны, развороченной гигантской революцией.

С. ШВАРЦ.

Восьмой конгресс М. Ф. П. С.

Состоявшийся в начале июля международный конгресс профсоюзов, по нумерации Международной Федерации Профсоюзов ее 8-й очередной конгресс*), с большой отчетливостью показал слабые и сильные стороны современного международного профессионального движения и его организации — МФПС. За последнее

*) В действительности это 9-й конгресс послевоенной МФПС, начиная с учредительного конгресса ее в Амстердаме в июле - августе 1919 года; но Лондонский конгресс 1920 г. считается экстренным и остается вне нумерации.

десятилетие МФПС перенесла ряд тяжелых ударов. Победа фашизма в центральной Европе разрушила три мощные национальные федерации профсоюзов (в Германии, Австрии и Чехословакии), являвшиеся в сущности основой международного профессионального движения на европейском континенте. В смертельных сужорогах бьется сейчас под пятой фашизма испанское профессиональное движение. Считая и разрушенное фашизмом еще полтора десятка лет назад итальянское профессиональное движение, Международная Федерация насчитывает уже пять крупнейших потерь *). О значении этих потерь для Международной Федерации можно судить уже по одному тому, что в 1921 - 1922 годах, когда МФПС — по числу объединяемых ею рабочих и служащих — находилась на вершине своего влияния, профсоюзы Германии, Австрии, Чехословакии, Италии и Испании насчитывали почти 12 миллионов членов при общем числе членов в объединяемых Международной Федерацией профессиональных союзах от 22 до 23 миллионов.

Но одновременно с разрушением профессионального движения в фашистских и полу-фашистских странах, в странах демократии всюду наблюдается в последние годы рост профессионального движения. Этот факт обратил на себя внимание уже на предыдущем конгрессе Международной Федерации, в Лондоне в 1936 году. С тех пор он принял еще более отчетливые формы. Достаточно взглянуть на приводимую ниже таблицу, в которой сопоставлены данные о числе членов профсоюзов в начале 1936 **)(т. е. перед Лондонским конгрессом) и в начале 1939 года (т. е. перед Цюрихским конгрессом) в 13 сохранившихся европейских национальных секциях Международной Федерации, чтобы ясно отдать себе отчет в универсальности этой тенденции развития:

	1. I. 36	1. I. 39
Бельгия	545.119	581.951
Великобритания	3.388.810	4.700.000
Венгрия	111.783	109.000
Голландия	287.418	309.232
Дания	381.341	470.217
Люксембург	10.300	12.366
Норвегия	214.579	340.000
Польша	282.322	393.882
Финляндия	40.820	70.348
Франция	1.300.000	4.008.027
Швейцария	221.370	225.530
Швеция	701.186	897.947
Югославия	35.828	56.200
Всего	7.520.976	12.174.700

Из 13 перечисленных в таблице стран рост профессионального движения не наблюдался лишь в находящейся под давлением фашизма Венгрии (и вызывают сомнения приводимые в таблице данные для Югославии, где режим также носит полу-фашистский характер). В

*) Кроме того за эти годы профессиональное движение разрушено или полу-разрушено почти повсеместно в Прибалтике и в балканских государствах.

**) Данные для 1936 года заимствованы из опубликованного в прошлом году статистического «8-го ежегодника МФПС» Для Венгрии, Польши, Финляндии и Югославии для начала 1936 года в ежегоднике (в разных частях его) приведены для каждой страны два различных числа. Во всех четырех случаях в таблице показаны более высокие числа; если бы вместо них были показаны более низкие приведенные в ежегоднике числа, разница между итогами для 1936 и 1939 г. г. увеличилась бы еще на 140.000.

остальных странах всюду наблюдается рост, часто очень значительный рост числа членов профсоюзов, и в итоге по всем 13 странам рост этот превышает 4 1/2 миллиона, что с избытком покрывает потери Международной Федерации в Испании и Чехословакии (в начале 1936 года соответственно 400.000 и 629.866). Если рассматривать европейское профессиональное движение в целом, процесс сплочения его рядов количественно даже перекрывает процесс разрушения его фашизмом.

Одновременно с этим процессом консолидации и упорочения профессионального движения в демократических странах Европы в развитии Международной Федерации наблюдается в последние годы и еще одна черта. Уже на конгрессах в Брюсселе (1933 г.) и в Лондоне (1936 г.) сказалась явственная тенденция к фактическому выходу МФПС за рамки европейского профдвижения. На конгрессе в Цюрихе Международная Федерация впервые выступила уже как интернационал профсоюзов, не в идее только, а реально объединяющий профессиональное движение всех континентов. Из финансового отчета МФПС выясняется, что за 1938 год в кассу Международной Федерации поступили взносы национальных федераций профсоюзов Соединенных Штатов, Канады, Мексики, Аргентины, Новой Зеландии, Индии, Нидерландской Индии и Палестины. Кроме того накануне конгресса было оформлено вступление в МФПС профсоюзов Китая. Как сообщил на конгрессе делегат Мексики Вилласенор, в сентябре прошлого года по инициативе мексиканских профсоюзов возникла Конфедерация Труда Латинской Америки, объединяющая профсоюзы Центральной и Южной Америки; одной из задач этой конференции является содействие вступлению союзов Латинской Америки в МФПС, и союзы Чили и Кубы ведут уже сейчас переговоры о вступлении в Международную Федерацию. И если общее число профсоюзов, объединяемых МФПС, по данным на начало 1939 года достигло 17,8 миллиона (не считая Испании, не считая Китая с его 503.000 членов профсоюзов), на внеевропейские союзы в рамках МФПС приходится 5,6 миллиона, т. е. почти треть. Вес внеевропейских союзов в МФПС становится все значительнее и активность их в интернационале нарастает. Яркой иллюстрацией этого факта явилась активность северо-американских и мексиканских делегатов на Цюрихском конгрессе (см. статью «Русский вопрос на международном конгрессе профсоюзов» в предыдущем номере «Социалистического Вестника»).

Организационное укрепление и внутренняя консолидация МФПС вне сомнения и нашли себе в частности подтверждение в факте созыва Международной Федерацией в нормальный, предусмотренный уставом МФПС срок международного конгресса профсоюзов. При современном положении международного рабочего движения никакая другая международная организация рабочего класса — ни Социалистический Интернационал, ни Коминтерн, ни тем более тихо опочивший Профинтерн — не в силах созвать не то что нормальный съезд, но даже и сколько-нибудь приближающуюся к съезду международную конференцию. А в Международной Федерации вопрос об отсрочке съезда даже не подымался. В этом все прочие международные организации могли бы Международной Федерации только позавидовать.

Но не нужно обольщаться. Счастливым положение МФПС по сравнению с другими международными пролетарскими организациями объясняется не только тем, что почти повсюду профессиональные союзы сейчас внутренне крепче, чем политические организации рабочего класса, но и скромностью задач, которые фактически ставила себе в последние годы Международная Федерация Профсоюзов. МФПС сейчас это в основном, во-первых, орган международной связи и взаимной инфор-

мир. При выработке этой последней резолюции в комиссии было в принципе достигнуто полное единодушие по основному вопросу о необходимости отпора агрессору, но в вопросе о практическом осуществлении этой политики намечались разногласия. Выработанная резолюция обходит молчанием вопрос о бойкоте вывоза военных материалов в качестве меры борьбы с агрессором (из речи английского делегата **Джибсона** выяснилось, что это не случайный пропуск, а уступка представителям стран, тяготеющих к политике нейтралитета), а об англо - франко - советском пакте проект резолюции высказывался хотя и положительно, но сдержанно. После доклада **Жуо** о работах комиссии делегаты Швеции, Дании, Финляндии и Швейцарии заявили, что, принимая резолюцию в целом, они будут голосовать против абзаца об англо - франко - советском пакте, как непримиримого с политикой нейтралитета. Поддержал их и представитель Соединенных Штатов. Вопрос вновь был передан в комиссию, редакция спорного абзаца несколько смягчена («Англо - франко - советский пакт делает возможным создание важной и непосредственной основы для защиты мира и свободы, и конгресс выражает, поэтому, надежду, что пакт этот будет заключен в кратчайший срок»), но шведская, датская и финляндская делегация и после этого заявили, что они воздержатся от голосования этого абзаца. Все остальные делегации (в том числе и швейцарская и северо - американская) голосовали за, и резолюция в целом была принята единогласно.

Резолюция эта энергично осуждает политику агрессии, призывает к непримиримости по отношению к политике насилия («Никаких уступок насилию — это основное условие действительной защиты мира»), к сплочению всех народов, желающих сохранить свободу, во фронт мира. «Конгресс приветствует поворот, происшедший в последние месяцы в политике демократических стран, пришедших к решению не мириться более с агрессивней и принуждать к разрешению всех конфликтов, которые могут возникнуть, методами права и справедливости». Конгресс высказывается за скорейшее заключение англо - франко - русского пакта (см. выше), поддерживает идею созыва международной конференции для удовлетворения справедливых жизненных интересов всех народов и призывает все национальные федерации профсоюзов воздействовать на свои правительства в интересах созыва такой конференции, «как только угроза войны исчезнет», и добиваться, таким образом, «сотрудничества всех народов для осуществления разоружения, которое приведет к окончательному освобождению человечества».

Резолюция эта эмпирически (и в значительной мере эк-

грация в Палестину в соответствии с экономической емкостью страны. Конгресс констатирует далее, что возмутительные преследования евреев имеют место как раз в тех странах, где демократия уничтожена и рабочий класс раздавлен. Эта очевидная связь между антисемитизмом и отсутствием свобод доказывает, что лишь победа рабочего класса над фашизмом положит конец антисемитскому варварству».

Партийная трибуна

Г. АРОНСОН.

РЕФОРМА РСИ И КРИТИКА СЛЕВА

От редакции. Помещая статью т. Г. Аронсона, редакция «С. В.» считает нужным напомнить, что ответственность за сумму мыслей, изложенных в ней, несет исключительно сам автор. По вопросу о реорганизации РСИ наша партия занимает вполне определенную позицию, формулированную ее представителями в РСИ, т. т. Абрамовичем и Даном, и в существенных своих частях стоящую в решительном противоречии со взглядами автора печатаемой ниже статьи.

I.

Статьи о Социалистическом Интернационале имеют ту особенность, что уже чисто тематически они всегда стремятся объять необъятное и поднять множество первостепенной важности проблем, — принципиального и практического характера. При этом мы все, обычно столь склонные к трактовке вопросов идеологического порядка, естественно ощущаем потребность заострить свои особые нюансы и стремимся выделить не общие нам всем идеи и представления, а как раз то,

лектически) обобщает политику борьбы за мир, как она практически ведется сейчас рабочими организациями в различных странах, но в резолюции не делается даже и попытки дать этой политике принципиальное обобщающее освещение, связать ее с общими задачами рабочего класса в данную историческую эпоху, показать внутреннюю связь военной и антивоенной политики рабочего класса с борьбой за социализм. И как бы чувствуя эту слабость резолюции, авторы ее — несколько неожиданно — выдвигают в конце резолюции идею «окончательного освобождения человечества» путем — разоружения.

Конгресс заслушал далее доклады **Корнелия Мертенса** о мерах предупреждения кризисов и борьбы с их последствиями и доклад **Эверта Куперса** о проблемах тактики и политики профессионального движения, связанных с вопросом о роли профсоюзов в современном государстве. Куперс представил кроме того обширный печатный доклад на порученную ему тему. Никаких резолюций по этому докладу, освещающему ряд основных проблем современного профессионального движения, решено было пока не принимать. Обмен мнений по поднятым Куперсом вопросам должен продолжаться в профсоюзных и в национальных и в международных рамках. Напротив, по докладу Мертенса было принято несколько резолюций, в основе которых лежит мысль о борьбе за **плановое хозяйство** в национальных рамках и мысль о необходимости создания **общей экономической политики демократических стран**, которая должна явиться противоядием экономическим методам фашистских стран. Заслуживает при этом внимания, что и вопрос о плановом хозяйстве ставится в МФПС чисто эмпирически, что принципиальные вопросы о границах плановости в рамках капиталистического общества и о значении плановой политики для социалистического устройства общества остаются не освещенными и что, повидимому, остается даже не вполне осознанной антагонистичность идей экономического либерализма и государственного вмешательства в экономическую жизнь, современной формой которого является плановая экономическая политика. Поэтому, например, оказалось возможным, что основная экономическая резолюция конгресса, наряду с энергичной защитой плановости, выражает «тревогу» по поводу того факта, что авторитарный курс в фашистских странах встречает в качестве своей параллели в экономической политике демократических стран «усиление государственного интервенционизма полу - авторитарного характера».

Повидимому, и в руководящих кругах МФПС начинает смутно чувствоваться потребность выйти за рамки этого эмпиризма и усилить таким образом активность и влияние МФПС. По предложению делегаций четырех скандинавских стран конгресс постановил образовать специальную комиссию для изучения вопроса о **задачах и формах будущей деятельности МФПС** в связи с глубокими изменениями, происшедшими за последнее десятилетие во всем мире. Это благодарная задача. Разрешение ее откроет перед выросшей и окрепшей Международной Федерацией Профсоюзов новые, широкие перспективы.

что нас разделяет. Отдавая дань этой тенденции, я в то же время хочу ограничить свою задачу и заняться не попыткой рассмотрения проблем национализма и интернационализма в современном социалистическом движении или аналогичных принципиальных вопросов, а чисто политическим анализом того, что представляет собою объединенный в 1923 г. РСИ, который вот уже 16 лет действует на исторической арене.

Основание для некоторого подведения итогов и вообще для постановки этого вопроса дает реформа конституции РСИ, проведенная в последнее время, сопровождающаяся отменой равноправия — т. н. легальных и нелегальных партий в Бюро, Экзекutive и Конгрессах РСИ и повышением влияния и удельного веса в нем партий, действующих в демократических странах. Статьи т. т. Абрамовича и Дана в достаточной степени осветили внутренние отношения в РСИ и отметили несвоевременный и даже brutalный характер этой реформы. Более того, т. Абрамович констатирует, что в сущности «поставлен вопрос не о реформе, а о самом существовании Интернационала». В других статьях отмечается, что в результате реформы возникает скрытая или явная опасность распада или раскола РСИ. В заметке, посвященной 60-летию

тию т. Адлера, прямо говорится, что «уже ни для кого не тайна», что борьба за предотвращение нового разрыва интернациональных связей «начинается сейчас в недрах РСИ».

Я не имею ввиду специально останавливаться на существо конституционной реформы в РСИ, — или солидаризироваться с этой реформой. Тем более, что она коснулась и чувствитель но задела представителей русского социализма в РСИ. В частности, устранение представителя нашей партии из Бюро РСИ и сокращение возможностей влияния нашей партии на международной арене не могло не вызвать в нашей среде единодушного возмущения. И не только по соображениям национальным, по соображениям представительства России. Помимо того, что мы все считаем, что в данном случае имела место со стороны большинства РСИ близорукая недооценка нашей партии, как «потенциала» русского социалистического движения, — отсутствие нашей систематической экспертизы по сложной проблематике русской революции может, по нашему общему убеждению, нанести прямой ущерб и степени осведомленности РСИ, и его правильной ориентировке. Достаточно одного факта, «оттеснения» представителей русского социализма, — что при известных условиях может оказаться только на руку диктатуре Сталина и тем самым нанести удар общим интересам демократического социализма, — чтобы критически оценить реформу РСИ.

Вместе с тем я полагаю, однако, что товарищи, муссирующие в связи с этой реформой слух о ликвидации Интернационала и о грозящей опасности раскола, впадают в преувеличение и крайность в оценке возможных последствий реформы. Вот тов. Абрамович сам вынужден внести существенные оговорки в свою критику этой реформы. «Нельзя себе представить такого положения, — пишет он, — при котором Лайбор Партия, французская или какая-нибудь из скандинавских принуждена была бы голосами представителей нелегально-эмигрантских партий вести такую политику, которая идет вразрез с волей миллионов пролетариев», прислушивающихся к ее голосу в ее стране. Если это так, то следовательно, при всех дефектах и несправедливостях проведенной реформы имеются какие-то серьезные и основательные доводы в ее пользу.

II.

Для товарищей т. н. левого крыла, которые всю переживаемую нами эпоху воспринимают, как канун мировой социальной революции, эти доводы, конечно, совершенно не убедительны. Так, тов. Дан, говоря о предстоящем наступлении «нелегальных времен» для всего мира, тем самым нивелирует разницу в объективном положении и в характере деятельности т. н. нелегально-эмигрантских партий и партий массовых, действующих на легальной демократической основе. Перед лицом приближающейся социалистической революции, вся эта реформа, действительно, должна представляться каким-то уродливым бюрократическим убожеством. Но ведь нельзя игнорировать тот факт, что огромное большинство партий, действующих в демократических странах, — пусть ошибочно, — но абсолютно ее разделяют идеологической установки левого течения. Т. н. реформистские партии, составляющие большинство в РСИ, смотря иными глазами на окружающий мир, нежели т. Дан или австрийские товарищи, и не питают иллюзий на близость мировой социальной революции. А те из реформистских партий (напр., скандинавские), которые всей своей деятельностью и своим соучастием во власти ставят своей целью уже сейчас постепенное проведение в своей стране принципов социализма, — то ведь надо признать, что они решительно отвергают тот путь к социализму, который в левой концепции, повидимому, неизбежно связывается с перспективой революции и гражданской войны, что они решительно убеждены в том, что путь катастрофального развития ни к какому социализму не приведет, — да в сущности, вероятно, и самый социализм по реформистской схеме совсем другой, нежели по схеме левых товарищей...

Впрочем, существо идеологических расхождений внутри РСИ не имеет непосредственного отношения к вопросу о реформе. Одно только тут нужно отметить: в то время, как для левых товарищей весь вопрос ставится и решается в прямой зависимости от идеологии, от направленности РСИ, — для большинства партий РСИ его существование, как организации, — независимо от представляемой ею идеологии, — имеет самоудовлетворяющее значение. И, собственно, в этом, мне кажется, — яблоко раздора. Для идеологов, — обозначим так левое течение в демократическом социализме, — Интернационал нужен постольку, поскольку он связан правильной линией, поскольку он принял и проводит в жизнь ту или иную, но определенную идейную схему политики и тактики, — и при отсутствии такой выдержанной, последовательно и без отклонений проводимой идеологии Интернационал теряет свою ценность, перестает быть необходимостью. Поэтому у

идеологов всегда наблюдается склонность к отколам, к почкованию, к созданию хотя и менее крупных и менее влиятельных, но зато идеологически выдержанных и целеустремленных интернациональных объединений. Совсем иная, можно сказать, полярная психология эмпириков, — обозначим так реформистские партии в РСИ. Не только во имя социалистической идеологии, не только принципов ради классовой солидарности они нуждаются в сохранении Интернационала, — но в силу аргументов своей практической, политической борьбы и работы. В органическую эпоху, в эпоху довоенную, напр., когда столкновение различных идеологий в социализме в достаточной степени отравляло атмосферу, разбивая движение на секты и группки, — гипертрофии идеологий все же не удалось подточить существование II-го Интернационала. Сейчас же, после глубочайших поражений, потесненных всеми крыльями движения, в условиях, когда потрясены почти все общепризнанные до сих пор теоретические основы социалистического учения, — эмпирика рабочих партий приобретает особую убедительность. Социалистический Интернационал, основной костяк которого составляют реформистские партии, действующие в демократических странах, — должен быть сохранен и тогда, когда идеологическая база им утеряна или не получила своего обновления на учете нового опыта. Придет время, эмпирика будет обобщена, и идейный кризис нашего движения будет преодолен. Тогда наметится разумный синтез теории и практики, — тот синтез, к которому в сущности должна стремиться социалистическая идеология.

III.

Неправильный подход и ошибочная оценка характера и деятельности т. н. реформистских партий приводит представителей левого течения не только к ничем неоправданной критике реформы РСИ, к преувеличениям в отношении последствий этой реформы, — но и заводит их, я склонен думать, гораздо дальше, чем они сами хотели бы этого. Если мы возьмем, напр., статьи т. т. Дана и Австриякуса, то мы увидим, что фактически гипертрофия идеологических устремлений привела их к почти полному отмежеванию от всех массовых социалистических партий, действующих в странах демократий. Конечно, никто из нас не станет идеализировать политику и практику современного социалистического движения и никто не придет в восторг от нынешнего руководства, скажем, Английской Рабочей Партии или от внутренней перманентной смуты во французском социализме. Но тем не менее, когда т. Дан в своей статье, — в момент, когда Лайбор Партия определительно и последовательно возглавляет анти-мюнхенские, анти-капитулянтские настроения в рабочем движении, — именно в ее адрес шлет упрек и в «легалистском эмпиризме», и в национальном эгоизме, и в приверженности традициям, и в парламентском чуть ли не кретинизме, и в «неспособности» понять складывающуюся революционно-социалистическую перспективу, — то получается результат обратный тому, которого должен добиваться автор, как сторонник демократического социализма. Его можно понять в качестве идеолога левого течения, но в качестве политика он сам подрубает тот сук, на котором держится наше движение.

И еще труднее понять политический смысл ультра-революционных выступлений т. Австриякуса, который бичует «невыдержанность, дезориентированность, теоретическую и принципиальную неустойчивость политики рабочих партий демократических стран» или с высокомерием, совершенно неоправданным после глубочайших поражений германского и австрийского социализма, — как реформистского, так и левого, — говорит о «сверхлегалистских, либерально-демократических и реформистско-бюрократических представителях» английского и французского пролетариата. Конечно, бумага все стерпит, и — не нам, русским меньшевикам, покусаться на неограниченную свободу слова, обретенную товарищами в эмиграции. Но все же, когда сведешь в букет все эти звучные характеристики, которыми награждают демократические социалисты нелегальных партий руководителей и представителей массовых социалистических партий, действующих в странах демократий: либералы, демократы, бюрократы, — вот нынешние вожди крупнейших рабочих партий! — то, пожалуй, начнешь понимать то различие психологии, которое привело к взаимному отчуждению легальных и нелегальных, демократических и эмигрантских партий в современном социализме. Эта упорная идеологическая сектантская тенденция: отмежеваться от социалистических партий демократических стран должна была естественно привести и к глубокому разочарованию в РСИ.

Повторяю, я не склонен переоценивать достоинства и успехи реформистов и эмпириков и я не сторонник некритического приятия того, что происходит в нашем социалистическом лагере. Но не левая идеология, и не характерные для нее методы критики будут содействовать идейному и прак-

тическому росту движения. Ибо когда т. Дан, нарушив обычную сдержанность, свой главный удар в статье о реформе РСИ обрушивает на «нынешнее партийное представительство» Английской Рабочей Партии (оно, конечно, не блещет особой непогрешимостью), то он упускает одну деталь, которая до сих пор меньшевизмом не упускалась из виду, а именно, — что это представительство и руководство большой рабочей партии, действующей в демократической стране, отражает мнение и настроение массовой партии и массового движения и что самая ограниченность политики этого представительства вызывается тысячами причин и факторов, характерных для данной страны с ее человеческим материалом, навыками политической жизни и — своеобразием, чуждым нам, — но к которому когда-то мы умели реалистически относиться.

IV.

И для критики РСИ за истекшие 16 лет накопилось немало материала. В частности, у нас, русских социалистов, не раз получался горький осадок от той недостаточной реакции, которую преступления большевистской диктатуры встречали в рядах партий РСИ и в его органах. Речь, следовательно, идет не о праве на критику, а опять таки о реалистическом подходе, о понимании того, что представляет собою РСИ и что именно, в соответствии с характером составляющих его партий, он может представлять собою. Возвращаясь вновь к воззрениям представителей левого течения, я хочу подчеркнуть одно обстоятельство: чем бы Интернационал ни был, он никак не укладывается в схему, которая годами пропагандировалась левыми товарищами — еще со времен Циммервальда, если не раньше. Чем бы Интернационал ни был, но ему, по-видимому, для ближайшей исторической полосы развития не дано быть: ни идеологическим центром, ни практическим вождем международного пролетариата. Интернационалу не дано быть: ни «высшей и решающей инстанцией» социалистического движения, — ни генеральным штабом мировой революции. Такого рода иллюзорные представления, насколько можно судить, имеют хождение в разных эмигрантских кругах, — да и то не в применении к реально - существующему РСИ, — а в отношении иного, еще невоплотившегося идеального объединения. Совсем иную мерку, иной подход надо взять, когда хочешь понять характер нынешнего РСИ. И весьма знаменательно, что левая концепция о том, чем должен быть Интернационал, — насколько известно, абсолютно не привлекает к себе серьезного внимания больших социалистических партий. Не только в силу их склонности к эмпирике и равнодушия к «отвлеченному теоретизированию», но главным образом потому, что все левые представления об Интернационале не связаны с жизнью, с существом и характером работы социалистов в национальном и международном масштабе. И основная причина тут в конце концов лежит не в злокачественной национальной ограниченности руководства и в недостаточности интернациональной солидарности, — а опять таки в объективных условиях существования и развития отдельных наций и государств, которые не укладываются в прокрустово ложе рационалистической конструкции левых воззрений и не учитываются ими.

Что же такое представляет собою РСИ после реформы (как и до реформы) в том составе партий, которые определяют его физиономию, линию его политического поведения? Но чувство разочарования создавшимся положением, которое сказалось в статьях т. т. Абрамовича и Дана, показалось мне несколько неожиданным. Ведь в сущности эта линия, эта физиономия нам знакома в течение всех 16-ти лет. Т. Абрамович сам говорит об «историческом поражении» Вены, потерявшей еще в 1923 году веру в соглашение социалистов и коммунистов и растворившейся в среде реформистов. Персо-

нальное влияние левых идеологов в исполнительных органах РСИ почти не внесло никаких коррективов в линию реформистского РСИ. И точно также, как сейчас говорят о господстве англо - скандинавского блока в РСИ, — точно также можно было прежде (до крушения германской социал-демократии) говорить о немецко - английском блоке. Итак, что же представляет собою РСИ? Если не Генштаб, не идеологический, не практический вождь движения, — то какая формула может более или менее удачно покрыть собой его содержание?

Счень характерно, что если сказать то, что есть, если назвать дитя своим именем, какой шум протеста подымается с разных сторон! В самом деле — РСИ превратился в примитивную камеру? в орган контакта, сговора и соглашения? в прообраз Лиги Наций? в орган социалистической дипломатии? Т. Дан утверждает, что такая перспектива грозит ему «смертью от прогрессивного паралича». Т. Абрамович в свою очередь пишет: «Интернациональная пролетарская солидарность» была бы в этом случае «подменена интернациональной социалистической дипломатией, играющей подсобную роль для дипломатии государственной». Так ли это однако? Оправданы ли эти опасения для ближайшего отрезка времени? Мы сознательно говорим о ближайшем времени, потому что вопрос об Интернационале в эпоху новой мировой войны, если ей суждено разразиться, — вопрос особый, которого мимоходом касаться невозможно. Судьба РСИ в эпоху войны будет зависеть исключительно от той роли, которую будут играть у себя в стране решающие социалистические партии, — вопрос, который сейчас представляет собою уравнение со многими неизвестными...

Поскольку же мы говорим об РСИ в наше время, — при всех признаках приближающейся военной грозы, все же время относительно — мирное, — спор о недооценке значения РСИ целиком упирается в наш давний спор об отношении к современной демократии. Я не буду ворошить эти споры, которые уже набили изрядную оскомину. Но я хотел бы только подчеркнуть свою точку зрения в этом вопросе. Для меня социалистическая партия и вообще рабочее движение есть неразрывный органический, интегральный элемент современной демократии. Социализм, действительно, «стоит и падает» вместе с демократией. И это положение относится не только к внутренним органам демократии, но и к институтам, созданным ею во вне, — как первым организованным шагам в области международных отношений. И точно также, как демократическое сознание передовых государств не знает иных путей сговора и соглашения, помимо пути, намеченного и осуществленного в Лиге Наций (при всей практической неудовлетворительности этого опыта), — точно также социалисты разных стран должны сохранять и укреплять свой РСИ, — свою «социалистическую Лигу Наций». Мы не имеем права замалчивать ошибки, тем более преступления, которые совершаются именем демократии, ее руководителями и дипломатами (Мюнхен, предательство Чехословакии, попустительство фашизму, пропаганда капитулянтских настроений). Мы обязаны не только критиковать демократию, но и реформировать ее, наполнить ее органы народным, социалистическим содержанием. И я думаю, что РСИ при всех его несовершенствах, окажется в руках рабочего класса действенным инструментом борьбы и победы. Ведь к этому не следует забывать, что в руководстве аппаратом демократии — там, где она существует, — принимают порой решающее участие и рабочей партии, — вчера во Франции, сегодня — в скандинавских странах, а завтра, быть может, в Англии, руководящие и государственные аппаратом. У нас нет оснований сомневаться в том, что такова есть и будет длительная тенденция развития. Опираясь на нее, РСИ имеет свой серьезный шанс и великую перспективу.

Социалистическая молодежь Испании и СИМ

От редакции. По причинам технического порядка нам приходится, к сожалению, отложить до следующего номера отчет о 6-м конгрессе Социалистического Интернационала Молодежи (СИМ), заседавшего в Лилле с 29-го июля по 2 августа. Но в виду систематического извращения большевистскою печатью смысла принятого конгрессом решения о выводе из состава СИМ т. н. «объединенного» Союза испанской молодежи, мы хотим дать сейчас перевод той части обширного заявления французской делегации конгресса («Попюляр», 6 авг.), которая сообщает фактические данные, бросающие яркий свет на действительный характер этой «объединенной» организации.

... В апреле 1937 г. (в Амстердаме) Объединенная Социалистическая Молодежь Испании (ОСМ), составившаяся из Коммунистической Молодежи и Социалистической Молодежи, вступила в СИМ. Но с тех пор, в виду нечестного образа действий Коммунистической Партии, Социалистическая Рабочая Партия Испании и испанская Социалистическая Молодежь расторгли договор об объединении. Естественно, что вопрос должен был подвергнуться новому рассмотрению в Исполнительном Комитете СИМ и на его конгрессе, поскольку ОСМ уже не является объединенною организацией КМ и СИМ, какою он был в момент его приема в СИМ (апрель, 1937 год).

ОСМ-ом руководят коммунисты. Его генеральным секретарем является Сантьяго Карильо, **член ЦК испанской коммунистической партии**, заявивший в опубликованном им откровенном письме к своему отцу, честному социалистическому деятелю Венесуэла Карильо: «Я — верный боец испанской коммунистической партии и славного Коммунистического Интернационала».

Мы можем привести убедительные доказательства тому, что ОСМ находится в руках коммунистов.

Вот несколько объективных данных, неопровержимых даже для заядлых сталинцев:

В Исполнительной Комиссии ОСМ в Каталонии было 5 коммунистов, 0 социалистов.

В И. К. Эускади (баскская провинция) — 13 коммунистов, 0 социалистов.

Во главе Федеративного Союза испанских студентов стоял коммунист.

Эбрская военно-политическая комиссия была составлена из 8 коммунистов, 0 социалистов.

Во главе Союза женской молодежи стояли 5 коммунистов, 0 социалистов.

Союз молодых анти-фашистов был представлен в ОСМ 4 коммунистами, 0 социалистами.

4 члена Исп. Комиссии ОСМ состоят членами ЦК испанской компартии, а Сантьяго Карильо является членом ее Политбюро.

Во главе 5 школ подготовки политических и военных руководителей стояло, понятно, 5 директоров — коммунистов. Обязательными пособиями в этих школах были: «Основы ленинизма» Сталина; «Проблемы ленинизма» Сталина; «Национальный вопрос» Сталина; «Мировой Народный Фронт» Димитрова; «Народный Фронт в Испании» Хозэ Диаза, секретаря испанской К. П. Запрещены были произведения Троцкого за исключением некоторых отрывков, нарочито дозволенных Москвой. Произведения Каутского, Жореса, Иглезиаса не изучались или подвергались саботажу. Труды Маркса и Энгельса допускались лишь в виде «избранных отрывков», т. е. считались непопулярными.

И общегосударственное спортивное движение, и спортивное движение ОСМ находилось в руках коммунистов.

Представителем ОСМ в СИМ состоит Альфредо Кабелло, член К. П. 5 коммунистов было делегировано ОСМ'ом на конгресс СИМ и 4 коммуниста на мировой конгресс молодежи, состоявшийся в августе 1938 г. в Нью-Йорке.

ОСМ издал 2 миллиона экземпляров брошюр 85 - 90 названий, из них лишь 2 социалистических брошюры в крайне ограниченном тираже. Ежедневная пресса была представлена пятью газетами, возглавляемыми 8 коммунистами и 1 членом ОСМ.

Но вернемся назад, к тому времени, когда, незадолго до начала гражданской войны, Социалистическая и Коммунистическая Молодежь Испании готовили свое слияние.

Общенациональный комитет, проведенный объединение после поездки Карильо и Мельхиора в Россию, был составлен из 4 социалистов и 4 коммунистов.

После начала гражданской войны была образована Исполнительная Комиссия, в которую вошли 7 социалистов и 7 коммунистов, причем надо отметить, что **Карильо представлял социалистов**. Исполнительная-же Комиссия, избранная на конференции в Валенсии (февраль 1937 г.), насчитывала 11 коммунистов и 0 социалистов, причем на этот раз **Карильо представлял коммунистов**.

На сентябрьской конференции 1937 г. в Мадриде социалисты в первый раз протестовали против такого состава руководства, и Комиссия была образована из 14 коммунистов и... 2 социалистов!

В ноябре 1938 года, на Мадридской конференции, социалистическая оппозиция усиливается и, при содействии Рабочей Социалистической Партии Испании, **восстанавливает секретариат Социалистической Молодежи**.

Правда, была выбрана комиссия ОСМ, составленная из 19 коммунистов и 4 социалистов. Но из этих четырех социалистов 2 отказались принять мандат, а другим двум партия выразила порицание и не разрешила занять предназначенные им посты.

Таким образом, можно считать доказанным, что ОСМ является в настоящее время дополнительным филиалом сталинцев, и приходится спросить себя, почему-же Карильо и Кабелло, столь гордые своим званием членов К. П., так дорожат тем, чтобы ОСМ оставался в Социалистическом Интернационале! Ответ дать не трудно, если вспомнить о многочисленных попытках и разнообразных методах «разложения изнутри», в котором большевизм приобрел неоспоримое мастерство.

К ПОХИЩЕНИЮ М. РЕЙНА

В Исполкоме СИМ, после обсуждения вопроса об Об'ед. Соц. Мол. Испании, был поставлен вопрос об обстоятель-

ствах, связанных с исчезновением в Испании т. Марка Рейна. Представитель русской с.-д. изложил вкратце историю этого трагического события. Он подчеркнул ответственность русской большевистской партии, внесшей в гражданскую войну в Испании худшие методы чекистского произвола и тем самым содействовавшей деморализации защитников республики. В апреле 1937 г. представители Об'ед. Соц. Мол. Испании на специальном заседании, посвященном исчезновению т. Марка Рейна, торжественно обещали принять все меры к выяснению обстоятельств этого исчезновения. Их заверения были впоследствии подтверждены представляемой ими организацией. В действительности-же Об'ед. Соц. Мол. Испании никаких мер не приняла. Представитель русской с.-д. предложил Исполкому образовать особую комиссию для обследования материалов, собранных Р. А. Абрамовичем об обстоятельствах исчезновения М. Рейна. После обсуждения Исполком решил обратиться к РСИ с просьбой создать такую комиссию и, кроме того, разослать всем секциям СИМ материалы, собранные Р. А. Абрамовичем.

75-ЛЕТИЕ ЛУИЗЫ КАУТСКОЙ

11 ноября исполнилось 75 лет Луизе Каутской.

Ей пришлось встретить этот день в тяжелых условиях: в изгнании, напоминающем ежедневно о катастрофе, постигшей те великие отряды международного социалистического движения, с которыми Луиза Каутская была особенно тесно и интимно связана и личной связью, и партийной работой, — германского, австрийского, чехословацкого. Не прошло и года, как сошел в могилу патриарх международного социализма, которому она была не только долголетней спутницей жизни, но и деятельной и незаменимой сотрудницей. Варварская рука фашизма не пощадила ее семьи и заставляет изо дня в день кровоточить ее старое материнское сердце.

Но чем мрачнее обстановка, в которой наша дорогая юбилярша переступает порог 75-летия, тем более возвышающе и чарующе действует на всякого, соприкасающегося с нею, ее несокрушимая бодрость, ее неутомимая активность, ее неуга-сающий пыл в служении идеям, с которыми раз навсегда срослось все ее существо. И тем горячее те приветствия, которые несутся к ней из всех партий и всех организаций Рабочего Интернационала.

Российская социал-демократия, с которой в ходе десяти-летних сроднились «Карл Иванович» и «Луиза Феликсовна» и которая сама давно ощущает свою кровную связь с ними, имеет все основания быть в первом ряду тех, кто чувствует потребность в этот знаменательный день выразить Луизе Каутской свои чувства глубочайшего почитания, искренней любви и горячей благодарности за ту моральную поддержку, которую и наша партия в целом, и все отдельные деятели ее, имевшие счастье общения с Каутскими, всегда у них встречали. Выражением этих чувств должна служить телеграмма, посланная Заграничною Делегацией нашей партии Луизе Каутской в день ее юбилея.

Андрей Петревиц

В Риге умер т. Андрей Петревиц, один из известнейших латвийских революционеров и деятелей Латв. Социал-демократии.

Тов. А. Петревиц (парг. кличка — Дадзис) принимал активное участие в революции 1905 года, был одним из руководящих членов знаменитого Рижского Федеративного Комитета, стоявшего во главе мощного революционного движения края и одно время превратившегося в своего рода правительственную власть в Риге.

В период демократической республики в Латвии т. А. Петревиц представлял Лат. Соц. - Дем. Раб. Партию в Учредительном Собрании и в Сейме. Кроме депутатских обязанностей А. Петревиц выполнял важные функции на партийной работе — был членом Ц. К. и руководил работой среди русских и латгальских рабочих.

После фашистского переворота тов. А. Петревиц занялся адвокатской практикой и выступал в нескольких политических процессах.

Популярность тов. А. Петревица среди латвийских, русских и еврейских рабочих края была очень велика. На его похороны, несмотря на «заговор молчания», созданный натравленной прессой, явилось очень много рижских рабочих.

Н. С. РУСАНОВ

28 июл скончался в Берне (Швейцария) 80-ти лет от роду Николай Сергеевич Русанов, видный член партии с. р. со времени ее основания, принадлежавший в последние годы к левому крылу ее.

Русанов родился 29 сентября 1859 г. в патриархальной купеческой семье Орловской губернии, но уже с 1878 года, будучи студентом Петербургского университета, стал сотрудничать в радикальной печати того времени и скоро примкнул к революционному движению, был членом «Земли и Воли», а потом «Народной Воли». С 1882 года, очутившись в эмиграции, редактировал, вместе с П. Лавровым, «Вестник Народной Воли». В 90-х годах большим успехом пользовались в русской интеллигенции его парижские корреспонденции, которые он печатал, под псевдонимом Кудрина, в «Русском Богатстве» Н. К. Михайловского.

Русанов был одним из первых популяризаторов экономического учения К. Маркса в России. Но философские и социологические концепции Маркса оставались ему всегда чуждыми, и он вел страстную борьбу против зарождавшегося в России марксизма.

Во время первого периода революции 1917 года Русанов был, вместе с т.т. Эрлихом и Гольденбергом, членом делегации, посланной Петербургским Советом за границу для контакта с социалистическими партиями воюющих стран и для подготовки международной кампании в пользу мира.

В лице Н. С. Русанова сошел в могилу еще один из очень немногих пионеров русского революционного движения, доживших до наших дней. Он донес до глубокой старости и преданность социалистическим идеалам, и революционный пыл своих юношеских дней, и неистребимую жизнерадостность, и несокрушимую веру в победу дела, которому служил всю свою жизнь.

После Русанова остались весьма интересные воспоминания, которые большевики сочли возможным издать в Москве.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Curt Geyer. Die Partei der Freiheit. Paris 1939.

Neue Front. Heft 7.

Proletarian Outlook, Vol. 5, Nr. 3.

Nouveaux Cahiers, Nr. 48, 49.

La Revue Socialiste, Nr. 5, 6, Bruxelles

La Révolution Proletarienne, Nr. 296-299.

Que Faire ? Nr. 53-54.

L'expérience Espagnole. Faits et Documents. Paris 1939 (POUM).

Der Sozialistische Kampf. Nr. 13-15.

World Youth. Intern. News Review. Vol. IV. N° 11. Boston.

Delnická Osveta. Nr. 2-3. Prague.

Cahiers de Documentation Basque, Nr. 1.

Sudeten-Freiheit. Informationsblatt der Treuge-meinschaft Sudetendeutscher Sozialdemokraten. Nr. 1, 2. Oslo.

Белая Библиотека. Г. П. Апанасенко: Нация. — Шт. - капитан

Е. В. Тряпкин: Церковь и государство.

Современные Записки, кн. 69.

Русские Записки, кн. 19.

Der Sozialistische KAMPF (La Lutte Socialiste)

Vom 1. Juni 1938 an erscheint in Paris alle 14 Tage „Der Sozialistische Kampf“, begründet von Otto Bauer. Der „Sozialistische Kampf“ ist der Nachfolger der „Arbeiterzeitung“ und der Internationalen Ausgabe der Monatsschrift „Der Kampf“. Er berichtet über das Schicksal der österreichischen Arbeiterklasse im Dritten Reich und die Probleme der politischen, organisatorischen und geistigen Erneuerung des gesamtdeutschen und des internationalen Sozialismus.

Bestellungen an die Verwaltung des „Sozialistischen Kampf“, 20, Avenue Trudaine, Paris 9.

Preis einer Nummer 4.—, Vierteljahrspreis 25.—, Halbjahrabonnement 50.—Frs., Ganzjahrabonnement 95.—Frs.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

19-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно:

- 1) L'Almanach populaire pour 1939 или
- 2) Otto Bauer. — Die illegale Partei или
- 3) L. Blum. — L'exercice du pouvoir.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно